

ПРИХОДСКАЯ №52

Газета

ИЮНЬ - ИЮЛЬ 2007

ХРАМА СВ. БЕССР. КОСМЫ И ДАМИАНА В ШУБИНЕ

ЗАКОНЧИЛСЯ ЗЕМНОЙ ПУТЬ ОТЦА ГЕОРГИЯ

К этой новости ничего нельзя добавить. С ней ничего нельзя сделать. Можно только принять верой и молиться о упокоении души новопреставленного иерея Георгия.

Печальная весть распространяется со скоростью молнии, пересекает материки, обегает Землю... Наверное, оттуда, где сейчас отец Георгий, наша Земля кажется маленьким голубым островом. На нем обитают тысячи и тысячи тех, для кого слово пастыря явилось радостной вестью и обетованием.

Самый длинный день в году стал для него началом Вечности. Нам не дано знать дня и часа. Никто не мог предположить, что за Литургией 23 марта мы прощаемся с батюшкой. Никто не думал, что это фото станет последним.

Он так и ушел: в луче света, преодолевая боль, с Крестом...

ЧТОБЫ ЕГО ВСЕОПАЛЯЮЩЕЕ ПРИСУТВИЕ ДАВАЛО НАМ ДЕРЗНОВЕНИЕ ВЫРАСТАТЬ ИЗ НАШИХ СЛАБОСТЕЙ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В сегодняшнем Евангельском чтении мы видим, как люди спускаются в воды Иордановы и крестит их Иоанн Креститель. И вот, одним из этих людей становится Иисус. Он — не над ними, Он приходит к ним не для того, чтобы быть вождем или полководцем, не так, как предполагали и мечтали в древности: что придет Мессия, придет Христос, чтобы пасти народы жезлом железным (Пс 2, 9). Нет, Он приходит именно как один из них, как один из нас. Как каждый и каждая из нас в какой-то момент нашей жизни — кто во младенчестве, кто в юности, кто совсем взрослым, а кто и в старости — приходит к купели и опускается в купель для того, чтобы сподобиться Креще-

ния, — так приходит и Иисус. И здесь Он — один из нас, Он — среди нас. Мы восклицаем с вами во время литургии: «Христос посреди нас!». Мы не говорим: «Он — над нами, Он правит нами», — нет, мы говорим: «Он среди нас!». И здесь, в день Своего Крещения, Он — тоже среди нас!

Нам с вами, родные мои, в XX веке не так просто представить себе, чем было Крещение для современников Иисуса. Такой ритуал был и до Иоанна Предтечи, но он был адресован язычникам, которые хотели войти в народ Божий. Для того чтобы язычник стал иудеем, прозелитом, ему сначала необходимо было это омовение, и поэтому оно воспринималось иудеями как что-то позорное, выявляющее дурное происхождение человека, который проходил через

Отец Георгий Чистяков
4.08.1953 — 22.06.2007

этот ритуал. Иисус Сам опускается в воды Иордановы — для того чтобы соединиться через Свое Крещение со всем человечеством, с теми язычниками, которых, может быть, Его соотечественники и за людей-то не считали иногда.

Вот так в этот день, который мы сегодня молитвенно вспоминаем, Иисус соединяется с человечеством, с каждым из нас, для того чтобы уже всегда быть не *над нами*, а именно *среди нас*, рядом с каждым из нас.

Сегодняшний праздник, такой торжественный, такой ослепительно белый, соединенный с чином Великого водоосвящения, которое совершается только один раз в году, наверное, именно потому так ослепителен, наверное, именно потому так сияет, что главное содержание его заключается в том, что Христос — среди нас. Он не над нами, как в религиях древности, Он не правит, не командует, не ведет нас, как полководец ведет свое войско. Удивительная и, повторяю, действительно ослепительная радость этого праздника — в том, что Он среди нас, рядом с каждым и каждой, что Он разделяет с нами наши трудности, наши беды, наши испытания, наши радости. В каждый момент нашей жизни Он — рядом! В каждый момент нашей жизни Он — тут! Каждое мгновение Он — среди нас!

И давайте учиться это чувствовать, потому что, конечно же, всегда проще верить во Христа, который где-то высоко, обращаясь к которому, мы поднимаем очи куда-то ввысь и чувствуем себя маленькими и ничтожными. Проще чувствовать себя грешным, проще чувствовать себя грязным, проще чувствовать себя недостойным, потому что тогда можно не вырастать из своего недостойнства, не вырастать из своих слабостей, не вырастать из своих пороков. Тогда можно просто, чувствуя себя раз и навсегда раздавленным, иногда смотреть снизу вверх и говорить: «Боже, помоги мне, я такой отвратительный, я такой плохой, у меня никогда ничего не выйдет в жизни, но помоги мне, такому гадкому». Это проще. И очень трудно ощущать то, о чем мы с вами сейчас говорили, — что Он среди нас, что Он — не над нами, что Он — один из нас. Потому что тогда мы должны вырастать, вытягиваться, тогда мы должны отказываться от наших грехов и наших слабостей, вырастать из них, потому что иначе становится стыдно, становится нестерпимо стыдно от этих своих слабостей, от этих своих грехов,

от этой своей лени и раздражительности, от своего уныния и беспечности, от своего эгоизма и какого-то просто животного иногда, бездумного жития. Становится стыдно: Он среди нас, а мы — такие, Он рядом со мной, а я — такой! И вырастаешь. И становишься действительно другим.

Это очень трудный и болезненный процесс — вырастание из наших слабостей, но Христос Церковь Свою святую устроил именно для того чтобы мы вырастали из этих слабостей, чтобы мы не стеснялись того, что Он среди нас, не пугались того, что Он рядом, чтобы мы не стремились убежать куда-то, закрыться, спрятаться, как стремился спрятаться Адам, стыдясь своей наготы в райском саду.

Нет, Он среди нас для того, чтобы мы вырастали из наших слабостей, из наших пороков, из наших грехов, чтобы мы каждый день хотя бы в чем-то становились другими, отказываясь от того, чего нам придется стыдиться, от того, что кажется (и справедливо кажется!) нам дурным.

Давайте сегодня молиться об этом: о том, чтобы, чувствуя Его присутствие здесь, рядом, мы не пытались, зажмурив глаза и закрывая лица, убежать как можно дальше, чтобы спрятаться, как прятался Адам, — но чтобы Его присутствие, Его всеопалюющее и ослепительное присутствие давало нам силы и дерзновение все время вырастать из наших слабостей! Это и будет христианство, это и будет Православие, это и будет та Церковь, которую Он, Христос, строит каждый день.

И мы вместе с Ним ее строим и должны строить тоже не от праздника к празднику, не от одного воскресного дня к другому, следующему воскресенью, нет. Когда мы будем христианами всегда и везде, когда будем чувствовать, что Он с нами не только здесь, в храме, но и дома, и на работе, и в транспорте, и везде, где бы мы ни находились и что бы ни делали; что Он, вместе с нами крестившийся, вместе с нами опустившийся в воды крещальные, — Он с нами всегда и везде, — вот тогда действительно и мы начнем изменяться, и жизнь наша тоже начнет изменяться!

Давайте будем думать и молиться об этом сегодня, в этот удивительный и радостный, в этот ослепительный и праздничный день!

Да хранит вас всех Господь!

*Священник Георгий ЧИСТЯКОВ
Проповедь в Праздник Крещения Господня, 19 января 1996 г.*

Прежде чем мы подойдем, братья и сестры, к подножию Креста Иисусова и будем лобызать ноги Спасителя, как та женщина-грешница, которая, войдя в дом фарисея, пала к ногам Иисуса и целовала их (Лк 7, 38), — что, братья и сестры, можно сказать своими словами — после того, как мы слышали слова Евангельские, после того, как прозвучало Евангелие от Луки, каждое слово которого доходит до глубины сердца нашего?

Потому что в Евангелии сосредоточен весь живой опыт свидетелей — тех учеников и учениц Иисуса, которые пережили дни Страстной Седмицы, которые были рядом со своим Учителем, когда вели Его по этому Крестному пути в Иерусалиме, когда вели Его по дороге, которая теперь так и называется — *Via dolorosa*, Скорбный путь. Люди всего мира, христиане и нехристиане, верующие и неверующие, знают, что эта дорога, этот путь, по которому прошел Иисус в день Своих Страстей, по которому провели Его из Гефсиманского сада со связанными руками в дом первосвященника, затем к Пилату, к Ироду, снова к Пилату и от него на Голгофу, — что этот путь для всего человечества играет совершенно особую роль. Потому что, быть может, эти дни — это самое главное, что произошло в истории человечества: когда Господь наш, Иисус Христос, добровольно отдал Себя на Страсть за наши грехи, добровольно дал Себя схватить, добровольно дал Себя связать для того, чтобы Его Пречистой Кровью — как говорит апостол, дорогой ценой (1 Кор 6, 20; 7, 23) — мы были выкуплены, для того, чтобы сделать нас другими. Для того умер Иисус на Кресте, чтобы мы воскресли, для того умер Он, чтобы возродить нас к новой жизни, чтобы полностью ушли наши страхи, наша злоба, наше раздражение, наша ненависть, наше уныние, наше отчаяние, — чтобы обновить нас полностью. Для этого и умер Христос на Кресте со словами: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой». Для этого он умер и ради этого тридневен он воскрес — чтобы вдохнуть новую жизнь в нас с вами, в каждого и каждую из нас.

Как важно не просто знать это,

но пережить; как важно, чтобы эта истина дошла до самых глубин нашего сердца, пронзила нас до самых глубин нашего «я» — потому что только тогда обновляет нас вера, когда истина о Кресте входит в самые глубины нашего «я». Давайте помнить об этом, братья и сестры, и давайте всегда прибегать к этим спасительным строкам Евангелия, в которых действительно от сердца — не как в книге, которую с огромным мастерством написал, быть может, прекрасный писатель, а неумело, местами очень далеко от канонов литературы, но от всего сердца — написано то, что сегодня мы с вами читаем.

Нет другой такой книги, как Евангелие. Потому что в Евангелии собрано именно то, что пережито, и то, что укоренилось глубоко в сердце тех, кто были носителями этой евангельской правды — тех, кто слышал, как проповедовал Христос, — слышал Его Нагорную проповедь, другие Его притчи и слова, тех, кто ходил за Ним по дорогам Галилеи, Самарии и Иудеи, кто пришел за Ним в Иерусалим и был с Ним рядом в дни Страстной седмицы. И, конечно, нам было бы очень интересно найти первоначальные варианты Евангелия, какие-то первые записи, из которых потом сложились книги четырех Евангелистов. А этих записей нет; все рукописи, которые есть у нас, — это рукописи уже сложившихся четырех Евангелий, от слова и до слова. Потому что этих черновиков, вероятно, просто не было — всё было в сердцах очевидцев, и очевидцы носили в себе эти воспоминания — каждый как живая книга; а затем их записала группа евангелистов и так сложилось Евангелие, те четыре книги, драгоценнее которых для человечества нет ничего — потому что Сам Христос говорит с нами с их страниц.

Так глубоко сумели срастись с этим текстом люди, которые сохраняли Евангелие устно, что мы с вами сами, через две тысячи лет после евангельских событий, читая Евангелие, чувствуем себя участниками этих событий, чувствуем, что не только они — женщины, стоявшие в Иерусалиме на дороге, по которой проходил Иисус, и бившие себя в грудь, — но и мы с вами такие же свидетели

евангельских событий. Какой-нибудь скептик может сказать: «Откуда вы знаете, что все было именно так?» А мы возразим ему на это: «Мы знаем, потому что мы сами свидетели этому».

Таково чудо Евангелия: оно переносит нас на то место и в то время, когда Иисус проповедовал

Потому что Христос побеждает время и расстояние, потому что Сам Господь делает нас Своими учениками и ученицами, потому что Сам Господь соединяет нас вокруг Себя и в Себе. Потому что мы с вами, так же, как апостолы, можем сказать, повторяя слова Божественного нашего

Священник Георгий ЧИСТЯКОВ

ГОСПОДЬ СОЕДИНЯЕТ НАС — ПОБЕЖДАЯ ВРЕМЯ И РАССТОЯНИЕ

на улицах Иерусалима и в Храме, когда Иисус умножал хлеба на берегу Тивериадского озера и когда Он шел по Крестному пути, когда шел Он со связанными руками по улице, которая называется *Via dolorosa*. И потому делает Евангелие нас и свидетелями того, как прибежали женщины к пустой гробнице и не нашли Тело Господа Иисуса, потому что Он воскрес из мертвых, потому что Он, Умерший за нас, победил смерть — для того, чтобы и мы с вами, став новыми людьми, ничего и никогда не боялись, для того, чтобы мы с вами жили Новым Заветом, который Сам Бог заключил с нами в Своем Возлюбленном Сыне, для того, чтобы мы с вами, подходя к Святой Чаше и причащаясь под видом хлеба и вина Пречистого Тела и Животворящей Крови Христа Спасителя, становились Его учениками. Потому что мы не просто ученики учеников, получившие по наследству, из поколения в поколение, это богатство христианской традиции. Нет, мы с вами — просто Его ученики!

В этом подходе к христианской вере заключается огромная разница между христианами и нехристианами. Потому что людям со стороны кажется, что это — давняя традиция, переданная через сотни рук и через сотни поколений, традиция, в которой многое стерлось, а многое забылось. Но мы-то с вами — когда читаем Евангелие, когда молимся, когда причащаемся Святых Тайн, — мы побеждаем и время, и расстояние!

Учителя, что не может ветвь на виноградной лозе расти сама по себе — потому что Он лоза, а мы ветви на этой лозе (Ин 15, 5), и мы живем, мы держимся, потому что Он живет и потому что Отец наш Небесный, Который есть виноградарь (Ин 15, 1), укрепляет и благословляет нас, братья и сестры, в эти страшные и спасительные дни Великого Поста.

Будем чаще стремиться проходить вслед за Иисусом по Его Крестному пути, будем чаще возвращаться к этим страницам Евангелия, на которых нам передана эта особая и удивительная истина — истина Его Страданий и Смерти, истина Его тридневного Воскресения. И дома, когда мы читаем Священное Писание, когда мы молимся, и в церкви — везде будем стараться чаще переживать эту великую и спасительную тайну Крестного пути. Потому что, только когда мы идем вслед за Иисусом, когда мы проходим по Его дороге, только тогда мы вырастаем из наших грехов и нашей слабости, и только тогда становимся мы новыми людьми. Давайте подумаем об этом, и сейчас, подходя ко Кресту и лобызая подножие Креста нашего Учителя, нашего Спасителя и нашего Брата, будем с вами благодарить Бога за все — и прежде всего за то, что мы — Его ученики.

Да благословит, да хранит, да укрепит вас Христос молитвами Пречистой Своей Матери и всех Святых Своих. Аминь.

Проповедь на Пасху, 2004 г.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ НАШЕМУ ДОРОГОМУ О. ГЕОРГИЮ

Дорогие друзья, нас всех постигло тяжелое горе — мы с вами никогда больше не сможем встретиться с нашим дорогим о. Георгием, побывать на его службе, услышать его проповедь, прийти к нему на исповедь за поддержкой и утешением.

16 лет своей недолгой жизни отдал о. Георгий нашему храму. Первый год — он, человек с ученой степенью, широчайших познаний, преподаватель вуза, был скромным чтецом. Затем год — диаконом, и, наконец, — священником. Все накопленные знания, молитвенный, духовный и жизненный опыт он щедро отдавал всем нам — и своим коллегам, священникам, и, конечно многочисленной пастве. Слышать его проповеди, читать его книги было для меня всегда радостным событием, приносящим многие духовные открытия, часто неожиданные и всегда неизменно глубокие. Он умел удивительным образом сказать о каждой проблеме предельно точно, ясно и просто. Все написанное им будет продолжать звучать не только для нас, но читаться и перечитываться многими людьми, и его слово

будет вводить их в пережитое и передуманное о. Георгием — ученым, пастырем, христианином.

Пожалуй, самой трудной и, не побоюсь сказать, героической страницей его жизни было, конечно, священническое служение в Рос-

несмотря на применение самых современных медицинских методов.

И вот, по промыслу Божию путь Его верного служителя завершился. Вспоминаются слова апостола Павла, сказанные им о себе и применимые ко всем верным служителям Господа:

«Веру соблюл, течение совершил». Для о. Георгия завершилась удивительно яркая, наполненная и самоотверженная земная жизнь, и открывается новое измерение нашего бытия, о котором сказано: «Блажен путь, в оньже идиши днесь, душе!»

Конечно, у нас на сердце горе и неутешная печаль. Но, вместе с тем и благодарность Господу за то, что Он нам дал встретить на

нашем жизненном пути такого замечательного пастыря, христианина и человека — о. Георгия Чистякова.

Прости нас, дорогой отче, потому что у меня такое чувство, что мало мы ценили тебя, мало любили и жалели. Все казалось, что еще будет время тебе обо всем этом сказать, все это выразить, но вот для этого выдался только этот день. Вечная тебе память. Аминь.

*Протоиерей Александр Борисов
23 июня 2007 г.*

ТЕЛЕГРАММА ОТ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЯ II

В связи с кончиной священника Георгия Чистякова возношу свои молитвы об упокоении души его в селениях праведных.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

ТЕЛЕГРАММА ОТ МИТРОПОЛИТА КРУТИЦКОГО И КОЛОМЕНСКОГО ЮВЕНАЛИЯ

Дорогой о. Александр, в эти дни возношу свои горячие молитвы об упокоении о. Георгия в недрах Авраама, Исаака и Иакова, в селениях праведных. Выражаю Вам и прошу передать его близким и духовным чадам мое глубокое соболезнование.

С любовью о Господе, митрополит Ювеналий.

сийской детской клинической больнице. Служить каждую субботу на протяжении более 10 лет литургию для тяжело больных детей, затем обходить палаты с чашей и причащать 70–80 детей, которые не имеют сил подняться с постели, чтобы прийти в больничный храм, — это подвиг, который мало кто смог бы понести. Многих из этих детей о. Георгию пришлось отпевать. Мало кто может себе представить, что значит провожать эти маленькие гробики с телами тех, кому не удалось помочь,

ОН ВСЕХ НАС ЗНАЛ ПО ИМЕНИ

Сестра В.:

...Мысли о нем не оставляют сегодня, как и вчера, и позавчера, и раньше. И ясно, что так будет завтра, через месяц, через год, всегда. И память эта требует, чтобы вновь и вновь звучали его слова и слова о нем.

Как-то один неверующий человек возмущенно говорил мне: как можно поверить в такой абсурд, будто Бог одновременно слышит миллионы людей, любит всех, говорит с каждым из них отдельно, отвечает каждому?!!

Может быть, если бы этот вопрошатель знал о. Георгия, ему было бы легче поверить в эту действительно небообразимую Божественную реальность: ведь не Бог, а всего лишь человек, притом человек с таким слабым здоровьем, помнил сотни (а может тысячи?) людей, зная всех по имени, держал в памяти и душе их болезни, их семейные и профессиональные проблемы, а главное — общался с ними так, что каждый из осиротевших теперь людей убежден в том, что священник именно его (ее) особо понимал, жалел, поддерживал, утешал, согревал, а если обозначить все это одним словом, то просто любил.

И самое удивительное, что это самонадеянное ощущение нас не обманывает: так оно и было. И каждый из тех, кто приходил к отцу Георгию на исповедь или был связан каким-либо общением по работе, или по многочисленным его общественным служениям, убежден, что его связывали с этим необыкновенным человеком и горячо любимым пастырем глубоко личные, совершенно особые отношения. И пусть это кажется неправдоподобным, но это тоже так!

В служении отца Георгия Богу и людям привычное словосочетание «подражание Христу» обретает вполне реальный смысл, становится наглядным и убедительным.

26 июня, поминая о. Георгия, много говорили о его потрясающем интеллекте и блестящих способностях. Но это, наверное, то, чем менее всего можно восхищаться: это дары от Бога, и как часто ими обладают люди малодостойные. Но вот его невероятная теплота, этот свет души, этот неугасающий пламень участия, со-радования, со-горевания, эти протуберанцы, вспышки любви — это подлинно плод его веры, работы его души.

Когда закончилось отпевание и ко гробу стали подходить прощаться священники, а за ними потянулись и прихожане, кто-то из алтарников негромко сказал: «Подождите, дайте сперва проститься родственникам». И глядя на людей, наполнявших, прижавшись плечом к плечу, все пространство храма, я поняла, что все они, все мы — родственники, самые что ни на есть родные о. Георгия. Только у родных близ гроба любимого человека могут быть такие лица, такие глаза... Наверное, это чувство родства и есть то, что оставил нам о. Георгий — сколько раз звучало в его проповедях, что мы одна семья, что если бы ни Христос, если бы ни храм, мы могли бы никогда не встретиться, а теперь мы все — братья и сестры, теперь мы все — родные!

Дорогие отцы, братья и сестры... Побудем вместе в присутствии нашего родного отца Георгия.

Петр ДМИТРИЕВСКИЙ:

МУЖЧИНА С СЕРДЦЕМ

Подумал и понял, что особое уважение и даже любовь сейчас у меня вызывают люди, которые... Такие христиане «несмотря на все вот это...» Не христиане «потому что», а христиане «несмотря». С христианами «потому что» мне скучно или я раздражаюсь. Потому что по моему опыту христианство не является чем-то устойчивым, стабильным, успокаивающим. И даже не делает человека лучше, добрее, цельнее, праведнее. Не решает бытовых проблем. Не дает ключа к построению счастливой семьи. Не гарантирует социальной адаптации, уверенности в завтрашнем дне.

Отец Георгий был, по-моему, христианином «несмотря на». Я очень мало ходил к нему на личный разговор. Может быть, вообще всего пару раз. Раньше — потому что вообще боялся говорить с кем-то о том, что меня действительно беспокоило. А потом — потому что проговаривания происходящего в глубине на психологических группах и с личным терапевтом было так много, что не оставалось сил обсуждать свои открытия еще с кем-либо.

Многое знаю из опыта общения с ним других людей. И из его возгласов на исповедях, обращенных к другому человеку, но слышных всем вокруг. Они и правда подходили всем: «да-да-да», «держитесь», «вырастать, вырастать из греха». Он все понимал после двух слов, еще до того, как мысль была высказана. Даже когда речь шла об очень нестандартных ситуациях. Как будто он уже был в курсе. Как этого можно было достичь? Думаю, только благодаря любви. Нельзя усвоить науку, не полюбив ее. Нельзя хорошо выучить язык, не полюбив страну. Невозможно понять человека, не любя его. А отец Георгий любил людей. Меня поражало, как на некоторые вопросы, «правильные» ответы на которые должны знать даже неопиты, он с легкостью мог ответить: «Ты знаешь, я сам как-то еще не разобрался. Я не знаю». И это укрепляло веру. Христианин «несмотря на».

Отец Георгий служил мою первую в жизни Литургию. Пасхальная ночная Литургия в 1997 году. Вспомнил об этом, когда на погребении хор долго-долго повторял стихирю «Хрис-

тос воскрес из мертвых...» Сегодня повторяли по кругу, пока не засыпали могилу. Тогда — пока не причастился последний.

Амвон запомнился совсем не так, как он выглядит на самом деле. Перед глазами стоит высоко-высоко надо мной отец Георгий, будто капитан на носу корабля — восклицательный, неистовый, с энергичными, распахнутыми в стороны руками.

Сегодня, между отпеванием и погребением, я носился по книжным магазинам, скупал для лагерного кружка для подростков книжку Элдриджа «Wild at Heart». Ассоциация возникла только потом. Вы верите в случайности?

Его соседи по кладбищу: Иванов и Иноземцева. Конечно, простое совпадение. Отец Георгий — a human being, один из нас, Ивановых. Так и прошел по жизни — будучи и здесь, и в иной земле. Явив нам эту иную землю. И показав, как может прожить жизнь Иванов.

см. продолжение на стр. 11

ПРОЩАНИЕ

26 июня Москва прощалась с отцом Георгием. С момента прибытия в храм накануне днем отец Георгий ни на секунду не оставался один. В понедельник днем у гроба была отслужена панихида, в 18 ч. — заупокойная всенощная. Весь день и всю ночь у изголовья батюшки непрерывно читалось Евангелие — люди подходили к аналою, сменяя друг друга.

Утром была совершена Божественная литургия, затем — отпевание. Службу возглавил заместитель благочинного, протоиерей Феодор Рожик из храма Знамения Божией Матери в Переяславской слободе; ему сослужили около двадцати священников и пять диаконов, среди которых — прот. Александр Борисов, прот. Александр Кузин, настоятель Сретенской церкви в Новой Деревне прот. Владимир Архипов, настоятель храма при Семхозе протоиерей Виктор Григоренко, священник Иоанн Власов, настоятель храма Успения Пресвятой Богородицы священник Владимир Лапшин, настоятель Воскресенского храма в Цюрихе священник Олег Батов, священник Тихвинского храма Видновского благочиния Антоний Лакирев, клирик храма св. вмц. Екатерины на Всполье — подворья Православной Церкви в Америке (ПЦА) священник Христофор Хилл, Николай Марцинкевич, игумен Евмений (Перистый), диаконы Виталий Данилюк, Сергей Булычев, Сергей Старокадомский, Леонид Джалилов.

После отпевания и прощания в храме гроб с телом отца Георгия был вынесен через южные ворота и крестным ходом по Столешникову переулку перенесен ко входу в храм. Прощание у стен храма продолжалось еще около часа, ко гробу смогли подойти несколько сотен людей, которых не вместили во время службы стены храма. Люди заполнили весь переулок, стояли на балюстраде напротив... Так много нас не было еще никогда. Те, кто помнил похороны отца Александра Меня, говорили: такое в их жизни — второй раз...

Пяти заказанных автобусов не хватило для всех, кто хотел проститься с батюшкой на Пятницком кладбище, многие десятки людей добирались своим ходом. Как, впрочем, и тропинки кладбища не могли вместить потоки людей и море цветов.

Прощание продолжалось больше часа. Над могилой звучало: «Вечная память» и — стихиры Пасхи: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его» — «Радостью друг друга обымем». Над головами плыли цветы — их передавали со всех сторон через оградки соседних могил люди, стекавшиеся к месту захоронения по лабиринтам кладбищенских тропинок. А потом бесконечной чередой люди шли и шли, чтобы приложиться ко Кресту отца Георгия, как когда-то прикладывались в конце Божественной литургии... Это и была его последняя земная Литургия, собравшая у Чаши и затем у Креста сотни людей.

Найти могилу не трудно. Войдя на Пятницкое кладбище и миновав храм Троицы у ворот, надо пройти еще сотню метров до небольшой церкви из красного кирпича. У ее северной стены, близ алтаря, покоится иерей Георгий Чистяков.

Протоиерей Александр БОРИСОВ

СЛОВО НА ПАНИХИДЕ 25.06.2007

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Мы провожаем в последний путь христианина, замечательного священника, замечательного человека отца Георгия. И конечно два чувства соединяются сегодня вместе. Первое, самое сильное, наверное, — горестное чувство утраты, что мы не увидим отца Георгия на службе, не сможем подойти к нему на исповедь и за утешением, не услышим его замечательные проповеди. Храм Покрова в Российской детской клинической больнице будет лишен своего основателя и человека, который был душой это-

го замечательного и героического служения.

Но я хочу, чтобы мы все-таки не забывали и о другой стороне события, переживаемого нами сегодня, — о благодарности за то, что мы встретили этого человека в нашей жизни; о благодарности за то, как много он сумел нам дать, как много сумел научить, как много осталось от него не только в наших сердцах, но осталось в написанных им книгах, проповедях. И всё это будет продолжать жить и совершать свою работу, как посев, который Господь дал ему содейть за такую сравнительно короткую жизнь.

И нам очень важно сейчас не только погрузаться в это безысходное горе, но и стараться воскресить в себе всё то самое главное, самое нужное, чем жил отец Георгий: противостояние всякой ненависти, всякому разделению, всякому превозношению; противостояние всякому злу, вплоть до такого крайнего почти бунта: почему уходят дети?

И вот этот дивный человек от нас ушел. Излишне напоминать о том, что, конечно, он не ушел в том смысле, как исчезает из жизни

что-то материальное. Человек как существо, облеченное образом Божиим, Духом Божиим, переходит в другое бытие. Из этого бытия он видит нас и молится о нас. Неслучайно он некоторым людям говорил: я буду молиться за вас и далее. Это, несомненно, так. Поэтому важно, чтобы в нашей скорби присутствовали удивление и благодарность Богу: «Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев». Я имею в виду святых не канонизированных, а святых как людей, которые являют принадлежность Богу, для которых Бог, Его правда, Его жизнь были содержанием их существования. Таким был отец Георгий.

Он так удивительно умел почувствовать, сопереживать всякому горю, которому даже нельзя помочь словами. Думаю, что этому он нас всех учил, и в какой-то мере, я думаю, мы этот урок его восприняли. Поэтому я бы очень хотел, чтобы в тех молитвах, которые мы будет сейчас возносить, присутствовала и вот эта радость — как некое, я бы сказал, удивление, что Господь дарует таких замечательных людей на нашем жизненном пути.

Протоиерей Феодор РОЖИК

СЛОВО НА ЛИТУРГИИ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Блажен яже избрал и приял еси, Господи, и память его в род и род.

В жизни каждого человека, дорогие братья и сестры, есть особые дни — когда человек рождается в этот мир, когда человек принимает Таинство Крещения и рождается для жизни духовной и все в жизни человека таинственно, величественно и облагодатствовано. Ибо человек — это творение Божие, Господь сотворил его по Своему образу и подобию, наделил его разумом и свободной волей, какая и определяет личность человека. Наступают дни жизни, когда эта тайна открывается в человеке, в Таинстве Святого Крещения, всевается в сердце человеческое зерно

Духа Святаго, Благодати Божией. И дальше от человека требуется определенный образ жизни, чтобы возделывать ту почву, на которую попало это зерно, чтобы оно прозябло, произросло и в нужный момент принесло свой плод.

В жизни человека наступают и другие таинодействия — Таинство Миропомзания, Таинство Исповеди, Таинство Святого Причащения. Немногие сподобляются и еще одного, уже редкого Таинства, которое не обязательно для каждого человека, но, как говорится в Священном Писании, «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал», — прибегает человек к Таинству священства. И здесь на этого человека возлагаются бремена — бремена благодатные, великие, непростые, бремена пастырства,

когда он практически отрекается от самого себя, от своей семьи, и вверяется ему паства. И Господь спросит у пастыря за паству. Поэтому каждый дерзнувший на это великое и святое делание несет пред Богом великую ответственность молитвенного предстояния пред Престолом, молитвенного призывания Святого Духа на приходящих, предстоящих и молящихся. Иоанн Златоуст восклицает: «Каковы руки должны быть священника? — Они должны быть чище лучей солнечных, чтобы снисходила благодать Божия».

Великий этот подвиг священнического служения. Но священник — человек. И наступает так же и в его жизни очень важный момент, день, когда господь его призывает к Себе. Порой нам трудно объяснить, почему в молодом еще возрасте Господь призывает к Себе человека. Но кто-то из мудрых подвижников благочестия говорит, что, когда мы хотим принести дар любимому человеку, то мы выбираем самый красивый, самый нужный подарок. Если это цветы, то самые лучшие цветы. Тот, кто принимает дар, благодарен этому вниманию. Так и Господь призвал сегодня в обители Свои Вечные батюшку, отца Георгия

в лучшие дни его жизни, как цвет не опавший, не завявший, но благоухающий. Когда рождается человек, мы радуемся. И сегодня тоже рождение, ибо рождается человек в Жизнь Вечную, в Жизнь Благодатную с Богом. Жизнь, которую выбирал для себя служитель Божий, ибо хотел быть с Богом.

Мы сегодня по-человечески скорбим и плачем. Плачем, потому что прощаемся, отправляя в дальний путь нашего собрата, потому что знаем, что больше нам не удастся созерцать его, быть рядом, слышать его напутствия, слышать переживания его о пастве, назидаться его молитвой, обращаться к нему за молитвенным предстательством. И это зная, скорбь сдавливает наше сердце, слезы накатываются на глаза, и мы скорбим.

Но говорит ап. Павел верным в Послании к Солуньям: я не хочу чтобы вы пребывали в неведении, как те, которые не имеют упования. Ибо Христос умер и воскрес, и мы по обновлении начнем новую жизнь во Христе Иисусе.

Когда умирает кормилец семьи, отец — горе для семьи, потеря кормильца. Когда умирает батюшка на приходе — тогда еще большая

скорбь, потому что многие теряют своего духовного наставника, руководителя в духовной жизни. Но это, с другой стороны, всех нас призывает к общему согласию, к общей молитве, и Святейший наш Патриарх сегодня вам, дорогие братья и сестры, прихожане этого собора, ну а в первую очередь настоятелю храма протоиерею Александру Борисову прислал свою телеграмму по случаю смерти отца Георгия. Вместе с вашим приходом и его настоятелем и всеми собратиями скорбит владыка Ювеналий, так же обращаясь к отцу настоятелю. Так что, дорогой батюшка отец настоятель, дорогие братья и сестры, примите и соболезнования от нашего Сретенского благочиния. Сегодня наш благочинный, отец Олег, не может здесь быть — он в лечебном отпуске. А меня священноначалие благословило в помощь о. Олегу по благочинническим делам, поэтому я здесь и оказался сегодня, хотя я бы приехал и так на молитву, на прощание с батюшкой отцом Георгием. Царство его Божие, вечный ему покой, пусть Господь упокоит его душу, идеже несть ни болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная. Помолимся!

Протоиерей Александр БОРИСОВ

СЛОВО НА ЛИТУРГИИ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. При всей своей ужасающей трагичности смерть подобна последнему удару резца скульптора, когда произведение его уже закончено. И вот когда Господь призывает человека, особенно такого яркого, талантливого, который так много в своей жизни принес замечательных плодов, его кончина действительно позволяет увидеть его, служителя Божия, священника, христианина в полном расцвете его как создания Божия. Отец Георгий удивительным образом сочетал в себе высочайшую культуру, высочайшую эрудицию, знание современных европейских и древних языков, блестящее знание классической литературы — и, конечно, современной; человек, который удивительно быстро читал и обладал поразительной, феноменальной памятью. И всё это он принес в служение Церкви.

Множество учебных заведений

хотели видеть его среди своего преподавательского состава, не только в России, но и за границей. И, тем не менее, о. Георгий избирает это служение. Он сочетал высочайший уровень культуры, эрудиции, знания с глубокой верой и глубоким чувствованием Бога, чувствованием Христа. Я, наверное, на всю жизнь запомню его удивительно проникновенные слова, когда он говорил перед Причастием: «Сейчас распахнутся Царские врата, и Христос выйдет навстречу нам». И это не было для него просто метафорой, это было действительно глубочайшим переживанием его сердца. В этой близости Христа, в Христовых Тайнах, в Таинствах Церкви, в Евангелии, во всем, что связано с жизнью христианина. И плоды, которые он принес в своей жизни, соответствуют этому глубокому проникновению в тайну христианства как Богочеловечества, как непостижимой, не объяснимой

для нас любви Божьей, которая соединяет нас с Творцом мира — нас, крошечных созданий в бесконечной вселенной, жизнь которых — мгновение по сравнению с окружающей материальной природой, и, тем не менее, в нас вложен образ Творения. И задача человека — в том, чтобы соединиться с Творцом.

Этой задаче отец Георгий служил сам в полной мере. Он был подобен многим замечательным людям, которые открыли для себя Бога и помогали другим открыть Его для себя.

Его служение было поистине героическим. Он был человеком слабого здоровья, и ему приходилось себя всё время преодолевать. И тем не менее с самого начала нашей жизни здесь, на приходе, он взял эстафету из руки о. Александра Меня и продолжил служение в Российской детской клинической больнице. Тяжелейшее служение в отделения пересадки почки, онкологии, лейкозов, т.е. там, где половина маленьких пациентов, к сожалению, обречена на гибель, современная медицина еще не в силах им помочь. Он создал

прекрасную группу прихожан, которые собирали средства, утешали, занимали этих детей, разделяли с о. Георгием скорбь, когда приходилось отпевать их и выносить эти маленькие гробики из храма Покрова пресвятой Богородицы, который он же, в сущности, и создал при Российской детской клинической больнице. Утешать матерей, родителей этих детей. Как им объяснить, почему другие живут, а их любимое чадо ушло из этой жизни?

Отец Георгий обладал замечательным даром сочувствия. Он как-то сказал: «Знаете, почему я могу нести это служение и помогать этим людям? Потому что я могу плакать, рыдать вместе с ними». И действительно, это служение, которое отнимало у него множество сил, но и давало ему огромные богатства, умение сочувствовать людям не только в этом крайнем горе, но и каждому человеку, который к нему приходил. Не случайно поэтому выстраивались такие длинные очереди к нему на исповедь — он каждому человеку умел найти нужное слово, которое касалось самой глубины его горя, его переживания.

Много можно говорит о замечательном нашем пастыре. Скажу только последнее: что нам важно с уходом его из нашей видимой жизни не растерять все те семена, которые он с таким старанием, с таким горячим сердцем хотел оставить в нас, и жить так, чтобы эти семена дали всходы. Не уходить их храма и из Церкви в целом — потому что, вот, отца Георгия теперь нет, и не к кому теперь идти, — но идти ко Христу. Он нас вел ко Христу, конечно, вел своими дарованиями, как каждый пастырь, — клал их на алтарь, чтобы мы шли ко Христу, учились, продолжали учиться у него открывать для себя Христа.

Слава Богу, что после него остались замечательные книги, проповеди, надо вчитываться в них больше и больше, чтобы эту мысль каждый для себя, его главное желание смог понять и укоренить в своем сердце.

Будем молиться о нашем дорогом собрате вместе с печалью и горем в нашем сердце надо найти место для благодарности за то, что Бог нам дал такого человека на жизненном пути. Быть может, многое у многих людей сложилось бы иначе, если бы мы его не встретили. Аминь.

Священник Владимир ЛАПШИН

СЛОВО ПРОЩАНИЯ У СТЕН ХРАМА

Здесь собрались люди — сотни, тысячи человек, великое множество которых не смог вместить этот не самый маленький в Москве храм. Собрались священники, которые приехали не по звонку благочинного, которых никто специально не звал. Собрались для общей молитвы.

Но что *наша* молитва, когда в это время вместе с нами на небесах ликовал хор ангелов и архангелов, ангелов-хранителей маленьких пациентов Российской детской клинической больницы — десятков, сотен, а может быть, и тысяч детишек, отмоленных отцом Георгием, вымоленных им — тех, чью жизнь он спас, приняв на себя их болезни, понеся их страдание.

И когда такой хор, такое ликование на небесах, ну как тут печалиться? Радость, радость: Христос воскрес, и отец Георгий воскреснет, и отец Георгий жив.

Мы говорим: умер, не стало, ушел... Ну что значит ушел? От кого он ушел? От нас разве можно уйти? Мы его и там достанем!

Что значит не стало? Для кого его не стало? Для нас не стало? Неправда! Для Бога не стало? Тоже неправда! Что значит умер, если смерти нет, если Господь воскрес и смертью смерть попрали? Что значит: «он умер»?..

Так что давайте будем радоваться! Будем радоваться, что у нас на небесах стало одним предстоятелем больше, одним молитвенником за нас, грешных, стало больше перед престолом Божиим. Пусть радость переполняет ваши сердца!

Екатерина ГЕНИЕВА

СЛОВО ПРОЩАНИЯ У СТЕН ХРАМА

Дорогие отцы! Дорогие братья и сестры!
Ничего нет случайного. И наверное, гроб с телом нашего дорогого отца Георгия мог расположиться чуть-чуть в другом месте. Но почему-то он встал именно под этой памятной доской у входа в храм, на которой написано: «Книга спасла храм».

Я директор Библиотеки иностранной литературы, где в течение стольких лет создавал, окормлял, развивал замечательный Отдел религиозной литературы отец Георгий. И то, что его гроб стоит под этой доской, — и печаль, и радость. По благословиению отца Александра Меня, приняв от него это послушание, отец Георгий создал этот светский отдел светской библиотеки и сделал из него то место, куда приходили представители самых разных конфессий. Отдел религиозной литературы стал местом встречи православных и католиков, православных и мусульман. Отец Георгий всех обнимал и принимал, и всем он был рад.

Поэтому говоря ему ненадолго: «До свидания», — давайте помолимся, чтобы Господь укрепил нас, чтобы этот фундамент, им заложенный, никак не подмывался водами.

Протоиерей Александр БОРИСОВ

СЛОВО НА ПОГРЕБЕНИИ О. ГЕОРГИЯ

Царствие Небесное и вечный покой новопреставленному иерею Георгию. Господь да упокоит его в Своих обителях и с праведными сопричтет, а нас помилует, яко Благ и Человеколюбец.

Дорогие мои, я более всего желаю и вам, и себе в эти дни не только скорбеть, но и вспоминать все то самое важное, самое значимое, что мы получили — кто-то, может быть, меньше, кто-то больше — за годы знакомства с этим замечательным человеком, пастырем, христианином отцом Георгием. И возвращаться к этим воспоминаниям. Думаю, даже хорошо их записать, потому что кажется: ну, это я никогда не забуду, как же, как можно! — а потом проходит время, и всё забывается.

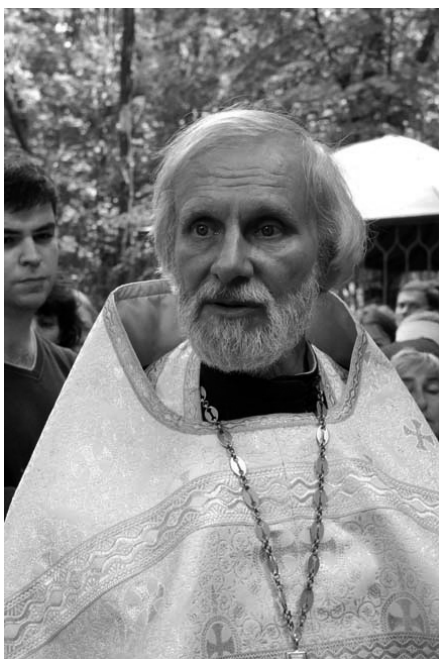
Может быть, мы соберем какой-то сборник, чтобы этот труд его — действительно у него такая основная жизненная интенция: трудиться, действовать, не просто так, а действовать на благо, — чтобы мы это впитали в себя, зафиксировали и своей последующей жизнью старались восполнять, воспроизводить.

Это будет, я думаю, самый лучший памятник отцу Георгию. Потому что и цветы засыхают, и кресты приходят в ветхость, а вот это живет. Христианство — оно тем и сильно: не своей победоносностью, а своей неуничтожимостью. Оно передается из поколения в поколение, из века в век.

Эта доминанта расставания... Мы пережили его как какое-то очень значимое в нашей жизни событие, которое, я думаю, очень долго будут помнить. Это очень важная веха: закончился этап нашей жизни — с отцом Георгием, начинается другой этап жизни — без него, с тем, чтобы всё это воспроизводить, впитывать и воплощать в нашей жизни.

Сейчас, кто может, приезжайте, пожалуйста, в храм, и там продолжим общение вместе, как члены одной Церкви, как члены одного прихода.

Всех благодарю, всех прихожан. Все вы проявили себя именно как христиане. Действительно, благодать Божия пребывала с нами и в этот печальный, но и очень значимый для нашего будущего, день.

Екатерина ГЕНИЕВА

СЛОВО НА ПОМИНАЛЬНОЙ ТРАПЕЗЕ

Дорогие мои! Всем нам довелось прощаться, я думаю, уже с немалым количеством людей. Вспоминаю, как мы прощались с отцом Александром Менем, как мы прощались с владыкой Антонием, со многими другими очень близкими людьми, необязательно священниками. Но должна вам сказать по своему опыту, что очень редко похороны, прощание, превращаются в настоящий праздник, в торжество веры и любви. Об этом гораздо лучше, чем я, говорил сегодня отец Владимир Лапшин.

На этих прощаниях, таких длинных, которые происходили несколько дней, и в нашей церкви почти два дня, слезы соединялись со смехом. И это замечательно. И все это время я думала: а почему так, только ли это заслуга отца Александра Борисова, только ли это заслуга отца Владимира Лапшина, который так нас приободрил?

Мне кажется, дорогие отцы, это необязательно только ваша заслуга. Это заслуга нашего дорогого отца Георгия! Уж кто-кто, а он умел — при всех своих немощах, при всех своих болезнях, при всей своей невероятной усталости — как он умел устраивать

всем нам праздники! Как он умел делать подарки!

Дорогие мои! Сегодняшний день особый — указующий нам, как горе прощания можно соединить с радостью встречи. И давайте сейчас, помяная отца Георгия, говоря ему еще раз: «Дорогой отец Георгий, до свидания!» — скажем то, что наверняка бы сказал здесь сейчас, входя своей шаркающей походкой в храм, который полон такой замечательной общей трапезы, обнимая нас всех (какие же у него были замечательные руки! они существовали вместе с ним и существовали почти отдельно от него; и как он нас этими руками обнимал!), наш дорогой отец Георгий.

Входя сейчас в этот храм, он бы нам точно сказал — что?

— «Христос воскрес!»

И вот с этой радостью, которая, конечно, соединяется с печалью, потому что хочется, — ужасно хочется! — чтобы он действительно вошел своей шаркающей походкой сюда.

Но пускай он войдет в наших душах и в наших сердцах! Скажем еще раз:

— «Христос воскрес!» — «Воистину воскрес!»

ОН ВСЕХ НАС ЗНАЛ ПО ИМЕНИ

см. начало на стр. 5

Иван КЛОЧКОВ:

Лк 16:22 ... и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово...

Кого-то хоронят люди, а кого-то возносят Ангелы. И как много света пролилось на нас в этот день печали.

Михаил ЧЕРНЯК:

В отце Георгии многое удивляет. Но особо сегодня прочувствовалось, что он был *очень многим для очень многих* («я был всем для всех» — вспоминается). Никто не сможет сказать, наверное, что знал его лучше всех: он как-то удивительно по-разному и по-особому, наверное, открывался всем, давая при этом не маленький кусочек себя, чтобы на других осталось. Он щедро вкладывался во всех. Не боясь, что не хватит...

Лина САЛТЫКОВА:

Отченька, дорогой!

Сколько раз ты говорил, что когда ты служишь Литургию в больнице, ты сослужишь отцу Александру Меню — что перед Престолом служит именно он, а ты лишь стоишь с ним рядом.

Теперь за больничной Литургией мы будем чувствовать и знать, что там, у Престола, — вы оба, и вы оба — с нами.

15 лет мы через все трудности, радости, потери, смерти детей шли с тобою вместе. Мы знаем, что ты не оставил нас и не оставишь. Теперь ты — вместе с о. Александром Менем и сонмом ушедших детей, и больница и приход больничного храма Покрова — под вашей сенью и защитой.

Майя СОНИНА

Он действительно не был «смирненной овечкой» и «сладеньким попом» из тех, кто машинально выслушивает исповеди и машинально клеймит грешников. Он был в сАмом земном пекле, со страждущими. И кто-то сказал о его болезни: «это стигматы». Он был у одра умирающих детей, он был рядом с их безутешными родителями. Самое пекло горя. Там все слова о Боге и вопросы «почему» звучат так естественно и так невычурно. А теперь нам предстоит быть в РДКБ без него.

Он был другом и душу за нас положил. И меня Господь вытащил молитвами батюшки. И многих-премногих. Так что осиротели мы.

Дорогой отче. Вы будете с нашими детками, которые уже ТАМ. Какая радость для них! Видно, дела у нас здесь так неважны, что Господу понадобился такой воин. Генерал ангельскому войску наших ушедших детей.

Прости нас, отче. Вечная память Пастырю!

Александр ТАЛЛЕР:

Дорогие священнослужители, служители и прихожане нашего храма!

Вместе со всеми Вами тяжело скорблю и молюсь о безвременной кончине дорогого о. Георгия, выдающегося богослова, проникновенного проповедника, пастыря от Бога, поистине святого человека.

Вся его жизнь была подвигом во имя Иисуса Христа, исполнения Его заповедей.

О. Георгий ушел от нас и пришел к Господу. Нет! Он всегда был с Господом, Господь был его Живым Богом. Другим его Богом был человек, грешный, неустойчивый, капризный. И этому человеку он посвятил всю свою жизнь. Но, как он всех нас любил! Тепло его огромной души искреннее внимание и неподдельная любовь согрели всех нас, его верных чад.

Светлый образ о. Георгия всегда будет жить в наших сердцах.

Вечная ему память и Царствие Небесное.

Галина Н.

Все эти дни мысли только грустные. В воскресенье не выдержала — поехала в храм. Портреты отца Георгия, цветы. Служба уже давно закончилась, но люди приходили. Я села на «свое» место, рядом с иконой св. Георгия Победоносца. Зажгла свечу. Я редко исповедовалась у о. Георгия, жалела батюшку чисто по-человечески. Сидя на скамеечке, я не могла отвести взгляда от него. Исповедовал он напротив. Всегда бодрое выражение лица, приветливый, такой родной взгляд.

Было ощущение, что это я стою на исповеди, и он меня поддерживает в этой жизни... Боль скольких людей он принял на себя!

Невозможно до конца постичь Бога, многое принимаешь просто на веру. Невозможно постичь также, как в одну голову вмещалось столько знаний, а в одно сердце столько любви. Воистину он проживал Евангелие, а не жил по Евангелию. Один человек только и делает, что ходит на монотонную работу, другой варит щи, третий моет дом. А есть отец Георгий, целая планета. Сколько

он успел сделать в своей короткой жизни, а сколько не успел!

Прочитала его послужной список, хватило бы на две дюжины умнейших людей, а все это работа его одного. Светлая память об этом уникальном священнике останется до скончания века в наших сердцах. А еще лучше взять эстафету любви к ближнему и на деле ее проявить. Он много раз говорил, как это делать.

Мне хотелось бы пожелать отцу Александру сил пережить это горе — потерю соратника, друга. Дай Бог ему здоровья.

* * *

Вика Р.

Вчера с мамой посетили сайт вашего храма и слушали прощальную проповедь. Прикоснулись и скорбим с Вами... Мама все больше интересуется христианством, пока главное, что ее привлекает, это большое собрание «хороших, добрых и умных людей».

ИЗ ПИСЕМ НА ПОЧТУ ПРИХОДСКОГО САЙТА www.damian.ru

Дорогие братья и сестры!

От имени многих грузинских православных христиан выражаем наше соболезнование в связи с кончиной отца Георгия Чистякова. Для нас он был и остается примером православного интеллектуала и священнослужителя. В свой последний приезд в Грузию он произвел огромное впечатление своими лекциями. Многие статьи о Георгия уже переведены на грузинский язык. Его кончина для нас такая же боль, как и для российского общества.

**С братской любовью во Христе,
Протоиерей Василий КОБАХИДЗЕ
Священник Заза Тевзадзе**

* * *

Дорогие братья и сестры!

От имени Международного общественного объединения «Христианский образовательный центр им. свв. Мефодия и Кирилла» примите глубокие соболезнования по поводу кончины священника Георгия Чистякова.

Замечательный священник, видный ученый, он отдал всего себя на служение Богу и людям. Его сердца хватало на то, чтобы вникать в проблемы Православной Церкви в

нестабильных условиях постсоветских стран и разделять боль этих проблем, не только сочувствием, но и делом помогая разрешать их. Мы благодарны Богу, что в этом мире мы встретились с таким истинным христианином, каким был отец Георгий.

Апостол Павел в Послании к римлянам говорит «Если же мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним» (Рим. 6, 8). Относя эти слова в полной мере к

почившему отцу Георгию, и скорбя о его кончине вместе с его духовными чадами, родными и близкими, мы молим Господа о упокоении его души в селениях Небесных, где нет ни печали, ни воздыханий, но жизнь бесконечная.

**Г.А. ДОВГЯЛЛО,
Директор Христианского
Образовательного Центра
им.свв. Мефодия и Кирилла,
г.Минск**

* * *

Дорогие братья и сестры!

С глубокой болью узнал о смерти дорогого отца Георгия. Он был человеком, который по настоящему жил своей верой. Кто его встретил, его больше не забудет.

Спасибо вам за фотографии и аудиозаписи, которые дают возможность быть в эти дни и часы с вами.

**Томас БРЕМЕР,
Мюнстер(Германия)**

* * *

Умер Отец Георгий...
«Умер» — вообще не подходящее слово в уходе человека из земной жизни. А к Отцу Георгию оно не подходит вообще.

Он улетел, Он вырвался! Вырвался из тела, которое так мешало Ему в последние годы, доставляло так много страданий...

А Он все равно светился. Только в глазах появилась грусть, которой раньше не было. Грусть оттого, что Он не мог, из-за той самой телесной оболочки, теперь сеять Любовь, Свет, Радость с той же невероятной энергией и лучезарностью, на которые способен только Он.

Как странно. Этот человек, обладающий феноменальными лин-

гвистическими, философскими, писательскими и многими другими талантами, потрясающий историк и проповедник всегда говорил, что главное в жизни не знание, а ЛЮБОВЬ. И это слово было всегда центральным в Его речи. И жизни. Он, как никто, нес свою любовь всем людям. Нес страстно, но ненавязчиво. Когда во время службы Он, всегда исповедовавший при входе в храм, шел в Алтарь, он легонько касался руками людей. Когда люди оборачивались, они неизменно начинали светиться от радости. От радости отраженной. Радости отца Георгия.

И я счастлив, что так много, 11 лет, был в лучах Радости и Любви отца Георгия. И счастлив за Него.

* * *

Дорогие братья и сестры во Христе.

Скорблю вместе с вами в дни, когда отнят от нас горячо любимый отец Георгий (не случайно, что в день праведного Алексия, пресвитера Московского). Но уверена, что там, в покое Господнем, велика радость по поводу его рождения на небо. Молюсь вместе с вами о том, чтобы Господь послал таких пла-

менных проповедников, делателей Его жатвы.

В воскресенье 24 июня в нашем маленьком храме свв. Пантелеимона и Николая в Брюсселе была отслужена по о. Георгию большая панихида.

Прошу передать мои самые сердечные соболезнования семье о. Георгия. О кратчайшем личном общении с ним остались самые

Потому что он сейчас со своими любимыми. Владыкой Антонием, отцом Александром Менем, матерью Марией... Просто находится в той Любви и Радости, о которых всю жизнь говорил нам, которые нес с собою. Со своим любимым Христом и Матерью Божией, которых возлюбил больше самого себя и любовью к которым озарял нас...

Спасибо Вам, Любимый и Дорогой Отец Георгий!

Павел Гаврилюк, доктор богословия, профессор исторического богословия Гарвардского Университета и Университета св. Фомы Аквинского (Сент Пол, Миннесота, США), диакон Американской Православной Церкви

светлые воспоминания, вечная благодарность за статьи в «Русской мысли», за книги, за выступления в эфире, которые мне удалось слушать в моих коротких пребываниях в Москве.

Memoriam aeternam!

Francoise Elisabeth Lhoest
Переводчица («одна из»)
о. Александра Меня на французский язык

* * *

Дорогие братья и сёстры!

Болью в сердце отозвалась и для нас земная кончина батюшки, о. Георгия.

Его статьи дошли до разных уголков земли и как продолжение дела о. А. Меня укрепляют сердца, учат искренности, объединяют. Мы, православные израильтяне, молимся за Вас и вместе с Вами.

С любовью во Христе,
Ольга.

* * *

Эхо любви и боли

...думала, что не смогу написать ни строчки, потому что все слова кажутся фальшью по сравнению с огромным чувством потери, боли и невысказанной любви. Но сегодня прочитала письмо Константина Семенова, размещенное на сайте, и поняла, что мы можем быть «жилетками» друг для друга. Мне в чем-то легче, а в чем-то труднее сейчас, чем вам, с которыми он был до последних дней.

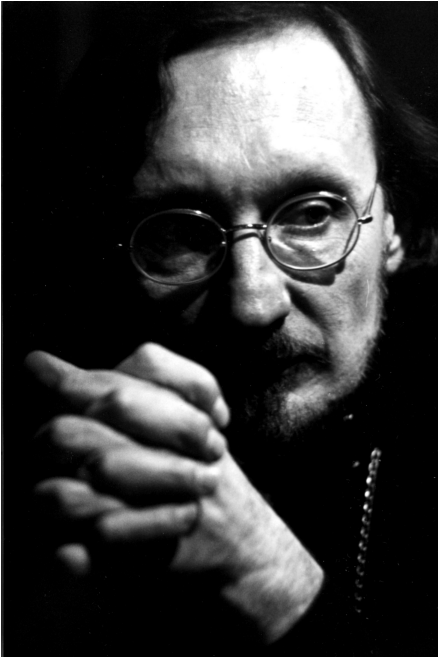
Все годы, прожитые мною в чужой стране, я училась на своем духовном пути не «цепляться» за нашего дорогого батюшку, а устраивать себе костыли-подпорки из его книг, статей, старых магнитофонных кассет с записями его проповедей, выступлений на радио «София» (низкий поклон Наташе, благодаря трудам которой было возможно услышать родной голос!) Труднее, потому что столько лет мне давала силу надежда, что вот приеду, приду в родной храм, услышу родной голос: «Родные мои, давайте молиться вместе!»

Где теперь искать эту силу? Может быть в ощущении того, что мы - осиротевшие дети отца Георгия, будем и впредь безмерно щедро наделяемы им любовью. Уже неземной.

В субботу вечером в нашей маленькой пустой церкви вместе со мной плакала и молилась моя православная подруга, не понимающая по-русски. Однажды ей довелось на исповеди разговаривать с о. Георгием по-французски и она, потрясенная его какой-то особенной внутренней силой сопереживания, с тех пор пытается сжать мне плечо своей рукой, как это сделал он, чтобы передать мне важность его жеста, его слов. А в воскресенье, во время панихиды, услышав, что Prister Georgij — это отец Георгий Чистяков, другая женщина, знавшая о.Георгия только по книгам, охнула и припала лицом к моему плечу. Родные мои, мы будем молиться вместе...

Диана ЗАРЕЦКАЯ

ВСТРЕЧА С ОТЦОМ ГЕОРГИЕМ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ОТЦА ГЕОРГИЯ ЧИСТЯКОВА

Я познакомилась с отцом Георгием Чистяковым в конце января 1994 года в воскресенье. Пришла в храм свв. Космы и Дамиана, зная лишь имя отца Александра Борисова от знакомых и из воспоминаний, посвященных памяти отца Александра Меня. Была очень огорчена, когда услышала, что его сегодня не будет.

Приятно удивила какая-то домашняя обстановка в храме. Несмотря на видимые следы продолжающегося ремонта, никакой неустроенности в храме не было. Церковь ощущалась какой-то единой доверительной семьей — это начиналось, как в театре, с вешалки (временной в виде гвоздей в стене), на которую вешали и вешали вновь приходящие люди свои пальто и проходили на литургию, и предшествующую ей общую исповедь, во вторую светлую часть храма.

Много молодых интеллигентных

лиц, сразу было видно, что люди в основном знакомы друг с другом.

На лотке у вешалки накупила кучу интереснейших книг, которыми пользуюсь по сегодня, в том числе Великий канон преп. Андрея Критского с параллельным переводом на русский.

Стоим прямо перед Царскими вратами, практически ничем отделенными от нас, даже ступенькой. Неожиданно из Царских врат почти выбегает худенький священник, оказываясь совсем рядом с верующими, и весь светясь радостью и как бы сообщая неожиданную новость, очень громко произносит: «Христос среди нас!!»

Близость происходящего богослужения и его восторженного служителя сразу вводит в литургическое действие. До сих пор, где бы я ни была на Литургии, я жду этих «слов отца Георгия» с его неповторимой интонацией и правдивостью человека, познавшего истину, которые, как и возглас «Благословение Господне на вас!», впервые во всей глубине и истинности я «услышала» и поняла на этой литургии.

Мне предстоял отъезд, которому предшествовали достаточно тяжелые события, хотелось получить совет и какое-то духовное укрепление в связи с открывающимися передо мной неизвестными новыми обстоятельствами.

После Литургии было еще Крещение. Потом прихожане стали подходить к отцу Георгию для разговора. Мне казалось, что я стою или вернее сижу на узкой скамейке в очереди, но она никак не подходила, а количество людей передо мной все время увеличивалось, и к трем часам

я подумала, что или мне придется уйти ни с чем, или священник, не выдержав такой нагрузки и пропустив время обеда, должен будет прекратить прием.

Неожиданно молодая пара, по-видимому прихожане, сидящие рядом со мной, переглянулись и предложили мне пройти впереди них к освободившемуся священнику.

Отец Георгий внимательно и как бы по-родственному внимательно меня выслушал, с какой-то мальчишеской улыбкой и чисто московской экспрессией прокомментировал некоторые события. Было ощущение, что я говорю со своим старым и открытым другом, сопричастным моей жизни, ее прошлому и будущему, и я поняла, почему многие люди после 10-15 минутного разговора пытались еще под каким-нибудь предлогом задержаться возле него, чтобы побыть еще немного в этой атмосфере любви и дружбы.

Мне тоже жалко было прерывать разговор, хотя священник меня никак к этому не подталкивал, но, оглядываясь на ожидающих его и помня о той веренице людей, которых он уже принял, я попрощалась с ним и попросила благословения. После этого он неожиданно меня обнял и поцеловал в лоб, произнеся: «Умная головушка!» — с чем и отпустил.

С тех пор на каждой Литургии в первом и последнем возгласе я слышу его голос и это обновляет мои силы, потому что отец Георгий сказал — а он-то точно знает, — что Христос среди нас и Его благословение всегда с нами.

*Ирина ДИДКОВСКАЯ,
Иерусалим*

Отец Георгий, грустно на сердце от Вашего ухода и радостно за Вас, что Ваше предстояние Христу теперь куда как непосредственное. Спасибо за жизнь, за лекции по Новому завету в СФИ, которые я будучи студентом слушал в записи, за книги, за горячее сердце. Мы еще не встретились, но теперь наша встреча и общение не затруднены расстоянием и временем, которые на земле способны властвовать и разделять.

До Новой Встречи.

*Олег ГЛАГОЛЕВ,
Свято-Екатерининское братство,
Екатеринбург
28 Jun 2007 11:24*

ИЗ ОТКЛИКОВ В ПРЕССЕ:

*Протоиерей Борис МИХАЙЛОВ,
настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в Филях:*

Отец Георгий жертвенно исполнил свое служение и как христианин и как священник. Он отдавал все свои силы, время, знания и все свое сердце, всего себя служению людям. Кроме служения на приходе он окормлял детскую республиканскую больницу на Юго-Западе.

Я думаю, что отец Георгий исполнил все, что только может желать священник. Сверх того, он оказался не в стороне от тех тяжелых церковных проблем, которые встали перед всеми нами в 90-е годы — в отличие от подавляющего, к сожалению, большинства священнослужителей града Москвы. Очень небольшая их часть восприняла адекватно все эти вызовы времени мужественно и жертвенно. Потому что мужественно высказывать свою точку зрения, которая заведомо отличается от

точки зрения большей части церковного начальства, — на это нужно было решиться. А отец Георгий и не представлял себе, что можно поступить иначе. Я хочу подчеркнуть, что он поступил как человек, внутренне о Господе, о Христе, свободный.

Еще одно качество: он был по настоящему образован. Филолог-классик с настоящим глубоким историческим горизонтом, хорошо знавший историю церкви и наследие святых отцов. При этом он был выдающимся священником. Не все согласны с его ролью, с его мнением, но это и не так важно. Важно то, что мы все не можем не согласиться с образом его служения.

Вечная ему память, низкий ему поклон.
"REGIONS.RU",
26 июня 2007 г.

Протоиерей Владимир Корецкий УПЦ (Московский Патриархат)

Статью батюшки «Нисхождение во ад» я опубликовал некоторое время назад в нашей епархиальной газете. Там же буквально пару месяцев назад поместил его материал о страхе Божиим. С о. Георгием мы были скорее оппонентами, нежели союзниками. Но как примиряет таинство смерти ... Вечная память!

«ОТЕЦ ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ УСЛЫШАЛ ГЛАС БОЖИЙ»

ДИРЕКТОР ВСЕРОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЕКАТЕРИНА ГЕНИЕВА

— Отца Георгия Чистякова называли учеником отца Александр Менья. Что их объединяло? В чем они были разными людьми?

— Многое объединяло, конечно же. И, прежде всего, невероятная открытость миру, людям, вере. Они умели преодолевать барьеры между людьми, самыми разными людьми, принадлежавшими, в том числе, и к различным конфессиям. Они умели находить точки соприкосновения между людьми. Конечно же, была и потрясающая образованность, огромные знания, умение рассуждать на любую тему и обращаться к любой аудитории. И тоже — их удивительные руки!... Они всегда, на исповеди, скажем, старались прикоснуться к человеку. Возможно, было стремление передать частицу энергии, как-то соприкоснуться...

А разное — разным было время. Время отца Александра было более страшным, более опасным. И отец Александр заплатил за свое служе-

ние и наставничество гибелью, А отец Георгий...

Так рано он ушел, всего лишь 53 года. И вот тут я... я до конца не понимаю до сих пор, что же все-таки произошло? Нет, не о диагнозе речь — он известен. Была долгая, изнуряющая болезнь, которую отец Георгий переносил поистине стоически, мужественно, с улыбкой, хотя было понятно, что ему остается несколько месяцев — даже не лет, но он служил...

Так вот, почему же?

Сейчас пройдет вся эта суэта похорон, и почувствуется обездоленность наша. Это зияние, которое после ухода отца Александра отчасти восполнял отец Георгий, сам абсолютно одинокий в этом мире, станет еще более ощутимым. Опять — почему?

И вот тут у меня две мысли. Может быть оттого, что Богу тоже нужны такие люди? Это, конечно, так по нашему человеческому разумению. И второе — вспомните, что сказал

Владимир Соловьев о Пушкине, и что поначалу ну просто ужасает: «Человек выполнил свое предназначение на земле»... Так вот и отец Георгий, может быть, свою миссию выполнил. Ведь сколько всего он сделал, сколько!.. Перевел, написал, исповедал, утешил, служил...

— Но не было ли ему как-то непереносимо тяжело служить, постоянно отдавая свою энергию?..

— Он был очень раним, да... Но, безусловно, свое служение он ощущал как призвание. Да, немощный, да, порой ему трудно было даже идти — но он ощущал себя именно на том месте, на котором он был. То есть сила была действительно в немощи.

Он услышал Глас Божий, и он совершенно сознательно брал ответственность за ту дорогу, которая была ему предназначена.

Беседовал
Алексей ФЕОКТИСТОВ
25 июня 2007, 14:45

**«ОТЦУ ГЕОРГИЮ НЕОБХОДИМО БЫЛО НАХОДИТЬСЯ
В СУПЕРСАКРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ»**

НАТАЛЬЯ ТРАУБЕРГ, переводчик религиозной литературы

—Наталья Леонидовна, каким Вам вспоминается новопреставленный отец Георгий Чистяков?

Наталья Трауберг:

— Как-то отец Георгий сказал: «Христиане смерти не боятся». Это правильно. Правильно по существу.

Отец Георгий умер во сне. Он долго хворал, лет пять... Об этом не очень говорили, видимо, просто не хотели, чтобы знали, но, судя по всему, болезнь прогрессировала. Но ушел он во сне, без мучений, хотя, скорее всего, до того были страдания. Остался сын Петя, остались внук Ваня и мама Ольга Николаевна — очень хрупкая, у нее уже было несколько инфарктов...

— Отец Георгий был известен не только как пастырь, но и как ученый. А кем, по Вашему мнению, он был в первую очередь?

— Ученым, безусловно. Но он непременно хотел быть священником. Все это происходило на моих глазах в Российском Библейском обществе — мы все были его

членами в начале 90-х. Отец Георгий — я даже не знаю, какой глагол тут употребить — ну вынь да положь! — хотел стать священником. Хотя уже был диаконом и мог причащать детей в онкологической больнице, куда он продолжал ходить почти до последнего дня. У нас была такая своеобразная «игра» — мы сами назначали какой-то срок — если к нему не произойдет то, чего мы очень хотим, то уже и не надо пытаться. Его отговаривали, потом назначили срок до 3 ноября. Он побежал в Чистый переулок (Резиденция Патриарха Московского и всея Руси — Ред.), где ему опять отказали! Он ко мне — я тогда неподалеку жила: «Ну, давайте еще два месяца!» — просит... И ровно спустя месяц — то есть посередине нашего нового срока — пришло решение рукоположить.

— Но почему ему было это настолько нужно?

— Не знаю. Он ведь был абсолютный интроверт, весь в себе, как и я когда-то, как и Сергей Аверинцев, которого, конеч-

но же, постоянно окружали «вампиры». Да — говорун, очень красноречивый. Но ведь ему надо было выдерживать людей постоянно рядом с собой. Вот около него появилась такая прихожанка, которая то и дело падала на пол и кричала, что он ее не любит и не жалеет. Отцу Георгию чрезвычайно тяжело было быть рядом с людьми. Он плакал, мучился и страдал. А ведь тут каждому требовалось уже отдавать себя. И порой он просто кричал — была такая невротическая реакция, хотя это важно лишь по нашему человеческому разумению, для духовного-то понимания это не имеет значения.

— Может быть, было бы легче стать католическим священником?

— Стань он католическим — он тяготился бы католической дисциплиной. Ну что делать, ему необходимо было находиться в суперсакральном пространстве. Мы на самом-то деле все, конечно же, в нем находимся, все служим литургию, но ведь он-то, в известном смысле, тут оказался первым среди равных. Светлый был человек.

Беседовал
Алексей ФЕОКТИСТОВ,
25 июня 2007, 17:09

* * *

Борис Колымагин:

Уход отца Георгия Чистякова для многих оказался неожиданным, в том числе и для автора этих строк. Да, разговоры о его тяжелой болезни ходили давно. Да, батюшка не смог служить на Пасху. Но, думалось, вот полечится — и вернется. Он и вернулся — в дом Отца.

Для московской церковной жизни 1990–2000-х годов имя о. Георгия Чистякова чрезвычайно значимо. Он совмещал свое служение священника с чрезвычайно напряженной научной деятельностью, мужественной гражданской позицией. Но главное он был человеком, который открывал для людей, ищущих Бога, красоту и радость Христианства.

Христос был в центре всей его жизни. Он вел людей к Нему, стараясь обойти многочисленные преграды, воздвигнутые историей. Эта устремленность была основой диалога, который о. Георгий вел поверх конфессиональных перегородок, по его глубокому убеждению, не доходящих до небес.

Вспоминаю, как о. Георгий вдохновенно служил Божественную литургию. Особенно значимым, и это чувствовалось по всему, было для него то место, когда он говорил: «Христос посреди нас». Ему было важно чувствовать, знать, что службу совершает не только предстоятель, но и вся церковь, все собравшиеся в этот день в храме.

Он не отделял себя от жизни простых прихожан. Не ускользал от общей судь-

бы, как делает это сейчас большинство интеллектуалов. Он был со всеми. «Там, где мой народ, к несчастью, был». И его голос, его дела несут печать этой общей судьбы. С ней связаны и меткие суждения во время проповедей, и социальное служение, и яркие газетные публикации. При этом читальным залом и кабинетом, как однажды признался священник, стали для него метро, скамейка на автобусной остановке или в здании вокзала. О. Георгий шел по жизни всегда вперед и вверх, поэтому не вступал в жесткие полемические схватки. Но свой демократический выбор подчеркивал всегда.

<...> Я не был духовным чадом о. Георгия Чистякова, да и в храм, где он служил, приходил не так часто. Однако и редких касаний со священником было достаточно, чтобы понять, какой колоссальный груз он несет. В московском храме святых Космы и Дамиана в Шубине к нему у на исповедь всегда тянулся длинный хвост. И надо было видеть, с какой любовью о. Георгий говорил, успокаивал, утешал. Складывалось впечатление, что он является одновременно и духовником, и психотерапевтом. На нем буквально «висели» сотни сестер, которых батюшка

вытаскивал из всевозможных душевных и духовных ям и колдобин. Думаю, это служение ему по наследству досталось от о. Александра Меня.

И еще одно очень важное служение он нес: проповедь Слова. Он постоянно напоминал верующим о важности ежедневного чтения Священного Писания. О том, что нужно «входить в текст». Питать свою душу святыми словами. Сам он читал Писание на многих языках, поэтому мог компетентно комментировать самые трудные места Библии.

О. Георгия обычно называют пастырем для интеллигенции, иногда добавляя — «либеральной». И потому, что он окормлял значительную часть людей культурного сообщества, и потому, что всячески поддерживал разного рода культурные инициативы внутри церковной ограды. А это тоже, в свою очередь, требует пастырских усилий. Мне радостно отметить, что о. Георгий был членом жюри II Филаретовского конкурса религиозной поэзии в Интернете, и одним своим именем способствовал успешному его проведению.

<...> Он не умел, да и не хотел стилизоваться под известные образцы благочестия. И внутренне оставался совершенно свободным. Это была свобода во Христе, явленная граду и миру. Свобода и радость. Эти слова неотделимы от его образа.

26 июня 2007, 19:00

ПАМЯТИ ОТЦА ГЕОРГИЯ ЧИСТЯКОВА

НЕКРОЛОГ ВСЕРОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ М.И. РУДОМИНО

Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы имени М.И. Рудомино (ВГИБЛ) с глубоким прискорбием сообщает о безвременной кончине отца Георгия Чистякова.

Отец Георгий ушел из жизни 22 июня 2007 года после тяжелой продолжительной болезни. Ему было 53 года.

Отец Георгий Чистяков окончил Московский государственный университет по специальности древняя история и классическая филология. Кандидат исторических наук (тема диссертации: «авсаный как исторический источник»), доктор филологических наук, профессор. Член-корреспондент Российской академии естественных наук.

С 1975 преподавал древнегреческий и латинский языки в Московском государственном лингвистическом университете, работал в редакции журнала «Вестник древней истории». В 1985–1997 читал в Московском физико-техническом институте

курс лекций по Библии, истории христианства и истории богословской мысли, заведовал кафедрой истории культуры.

Преподавал в Московском государственном университете, в Российском государственном гуманитарном университете, автор курса лекций “Священное Писание и литургическая литература”, спецкурса “Методология историко-культурных исследований”. Читал лекции в Страсбургском университете, центре “Сен-Жорж” (Париж), Министерстве образования Северной Ирландии.

Наш дорогой коллега и друг возглавлял Научно-исследовательский центр религиозной литературы и русского зарубежья ВГБИЛ с 1999 года. Ученик отца Александра Меня, он был одним из ярчайших проповедников, служил в Храме свв. Космы и Дамиана в Шубине.

Талантливый филолог, теолог и публицист, отец Георгий был известен как автор множества книг по

христианству. Он автор статей и переводов с древнегреческого и латинского (Плутарх, Полемон, Павсаний, Тит Ливий).

Широко известна и его подвижническая деятельность. С 1994 года отец Георгий был настоятелем Храма Покрова Богородицы при Российской детской клинической больнице.

Отец Георгий являлся также председателем Попечительского совета и преподавателем Общедоступного православного университета им. А. Меня; членом правления и председателем Комитета по научной и издательской деятельности Российского библейского общества; членом Международной ассоциации исследований по изучению отцов церкви; членом редакционного совета газеты “Русская мысль”.

Нашу скорбь разделяют коллеги и почитатели отца Георгия не только в России, но и в других странах мира.

От нас ушел замечательный священник, большой ученый и очень хороший человек.

Вечная ему память.

Сотрудники и друзья

**ОН КАК РЕБЕНОК ЛЮБИЛ ХРИСТА
НА СМЕРТЬ ОТЦА ГЕОРГИЯ ЧИСТЯКОВА**

Первые некрологи на смерть о. Георгия, которые появились в сети через несколько часов после его ухода — в ночь с 22 на 23 июня, — сообщали, что он скончался «после тяжелой и продолжительной болезни». И это была правда. Но правдой было и то, что скончался он скоропостижно — внезапно и неожиданно. Для других и для себя самого. <...> непосредственной причиной смерти стал инфаркт — не выдержало сердце, подорванное и борьбой с недугом, и бременем пастырского служения, и другими тяготами, о многих из которых, наверное, знал лишь сам о. Георгий.

О. Георгий Чистяков скоропостижно скончался после тяжелой и продолжительной болезни — так должна была звучать эта фраза из некролога. И эта парадоксальная формулировка, наверное, лучше всего соответствовала бы и самой личности почившего, в котором сочетались очень разные качества, и той вере, которая занимала главное место в его жизни — христианству, религии парадоксов.

Он пришел к священству в зрелом

возрасте — в 40 лет. Но, как часто любил рассказывать сам, верующим был всегда. С самого детства. Так его воспитали. Почему-то многих это удивляло — может быть, потому, что он на всю жизнь сохранил непреходящее ощущение новизны веры,

благочестивое удивление красотой Евангелия, которое у многих проходит вместе с неопитством?

О. Георгий во многом сохранил свою «детскую» веру до самых последних дней — он как ребенок любил Христа, любил Евангелие, любил Церковь. В его проповедях было немного рациональных доводов, философских построений — в них была эта любовь, которую он передавал в свойственной ему эмоциональной манере. Кого-то это раздражало, кому-то помогало глубже поверить, что Бог действительно есть любовь. Было что-то детское в его манере совершать богослужения, и в манере читать лекции, и в манере просто общаться с людьми. Иногда в разговоре с ним казалось, что он невнимательно слушает, что вообще думает в этот момент о чем угодно, кроме своего собеседника, но потом, при тех или иных обстоятельствах, почти всегда становилось ясно, что на самом деле о. Георгий слушал очень внимательно. И почти все запомнил.

Наверное, ярче всего его способность слушать и понимать проявля-

лась, когда он исповедовал. Когда я впервые пришел к о. Георгию — с которым к тому времени был уже достаточно хорошо знаком — на исповедь, я был поражен, каким серьезным и глубоким становился возле аналоя тот, кто еще недавно так легко перескакивал с одной темы на другую. Он умел утешать, но не попустительствовал и не льстил своим духовным чадам. Он мог найти такое слово, которое звучало скорее как дружеский совет и именно поэтому заставляло задуматься о своей жизни. Например: «Не надо — это так разрушает личность...» Среди современных церковных деятелей он, наверное, больше всех уважал и почитал митрополита Сурожского Антония (Блума) («Я — блумит», — говорил он о себе в шутку) и папу Римского Иоанна Павла II, которых ему посчастливилось знать лично. Он ценил их за уважение к человеческой личности, которое отличало каждого из этих иерархов, с первого взгляда не очень похожих друг на друга.

Со всей своей детской искренностью о. Георгий сочувствовал тем, кто искал правду, кто рисковал собой ради истины. И неслучайно именно он служил панихиду по Анне Политковской, которую называл служительницей Справедливости.

У него было много друзей, учеников, почитателей, но было и много врагов. Ему ставили в вину и «либерализм», и «модернизм», навешивая все те ярлыки, которые хранятся в закромах «охранительного православия», и не желая замечать при этом, что главным для этого человека всегда был Христос и что ради Христа он шел в больницы (Группа милосердия при храме Покрова

Пресвятой Богородицы в Российской детской клинической больнице, где отец Георгий был настоятелем, работает уже больше 15 лет), раздавал милостыню, часами выслушивал исповеди, когда из-за болезни уже едва мог стоять на ногах.

За несколько дней до ухода о. Георгий — опять же, как парадоксально это ни покажется — испытал новый прилив творческих сил. Вернувшись 20 июня домой после очередного курса химиотерапии, он звонил своим коллегам по Библиотеке иностранной литературы, где с 2000 года возглавлял научно-исследовательский центр религиозной литературы, обсуждал какие-то практические вопросы, собирался приехать «на работу». Около шести часов вечера 22 июня он вдруг почувствовал недомогание, прилег и через несколько минут умер...

В апреле этого года, в дни своей последней земной Пасхи, он написал своим чадам, друзьям, близким письмо. Удивительным образом оно походит по духу на последнюю запись в дневнике другого выдающегося пастыря Христовой Церкви — о. Александра Шмемана, умиравшего от той же болезни, что и о. Георгий. «Какое все это было счастье» — были последние слова о. Александра. А пасхальное письмо о. Георгия хочется привести здесь целиком — наверное, это будет самое правильное завершение некролога...

С Пасхальным приветом обращаюсь я к вам, дорогие друзья. Христос воскрес! Так неожиданно заболел, что очень много из срочных дел не успел сделать. И встречи с вами всеми так неожиданно прервались. Лечение предстоит долгое, тяже-

лое и дорогое, поэтому я бесконечно благодарен всем, кто мне помогает. Друзья познаются в беде. И я сейчас вижу, как много у меня настоящих и горячо преданных мне друзей. К сожалению, я не могу перечислить всех по именам, хотя знаю, нет, не сотни даже, а тысячи имен и судеб вас, моих духовных друзей, всех, кто приходит и, надеюсь, будет еще приходиться ко мне на исповедь. К счастью, у меня прекрасная память, поэтому сейчас, не имея возможности даже подняться с постели, я как бусины на четках перебираю ваши имена и стараюсь никого не забыть. Когда болеешь, особенно остро понимаешь, что это значит. Христос воскрес из мертвых. Когда в самый первый день Святой Пасхи я сумел причаститься, а вы все в это время причащались в нашем храме, кто ночью, кто утром, я почувствовал себя невероятно счастливым от того, что я один из вас и среди нас стоишь воскресший Христос. Быть может, ревнители старинных уставов скажут, что перед «Верую» во время литургии слова «Христос посреди вас» могут говорить только вполголоса священники друг другу, но я так горячо люблю это мгновение, когда сотни, почти тысяча голосов отзываются «и есть и будет», что просто не могу передать этого вам словами, а только любовью, которую испытываю ко всем вам, дорогие и родные мои братья и сестры. Да хранит вас всех Воскресший Господь и Матерь Его Пречистая, а я вас всех братски обнимаю. Ваш во Христе иерей Георгий Чистяков.

Дмитрий ВЛАСОВ
 “ЕЖЕДНЕВНЫЙ ЖУРНАЛ”
 25 июня 2007г.

ГОСТЬ ИЗ ВЕЧНОСТИ ПАМЯТИ ОТЦА ГЕОРГИЯ ЧИСТЯКОВА

В пятницу в Москве скончался Георгий Петрович ЧИСТЯКОВ — священник, миссионер, историк, публицист, правозащитник... Даже полный перечень его талантов и призываний не вместит масштаб утраты. Он был одним из учеников Александра Меня, и, как об учителе хватало слов «Отец Александр», так и по словам «Отец Георгий» можно было понять, о ком речь. Отец Георгий казался гостем из Вечности. Так легко было представить, что позавчера он встречался с Плутархом, вчера — с гениями эпохи Возрождения, сегодня с утра — с философами Серебряного века, а теперь вот запросто разговаривает с вами. При этом он вовсе не был небожителем. Выпускник

истфака МГУ, он преподавал в своей alma mater, в МФТИ, РГГУ, читал лекции во Франции и Ирландии. Был членом РАЕН, профессором, издавал исторические и богословские труды, создал Центр изучения религиозной литературы.

Продолжая служить в церкви Космы и Дамиана, с 1994 года о. Георгий был настоятелем храма при Российской детской клинической больнице. Сотни его духовных чад опекали старческие приюты и медицинские учреждения для детей с нарушениями в психическом развитии. Он занимал активную гражданскую позицию — не зря именно отец Георгий провожал в последний путь не только академика Гаспарова

и Окуджаву, но Политковскую и Щекочихина...

Как много! Верилось, у него в запасе вечность! А прожил он всего лишь 53 года, сгорев от той же болезни, которой страдали его маленькие подопечные в онкологической клинике.

Мне посчастливилось многократно беседовать с отцом Георгием под магнитофон. Фрагменты этих его проповедей — иначе не скажешь — «Новые Известия» публикуют сегодня в память о человеке, без встреч с которым тысячам людей будет очень трудно. Потому что его книги — да, конечно, ободряют, но, Господи, как представить, что больше не увидишь его мальчишескую улыбку...

ЧТО ГОВОРИЛ СВЯЩЕННИК ГЕОРГИЙ ЧИСТЯКОВ О ВЕРЕ, ЛЮБВИ И СМЫСЛЕ ЖИЗНИ В ЦЕРКВИ:

Когда приходится говорить сегодня с теми, кто себя считает защитниками веры (неважно, от кого — враг всегда сыщется), часто обнаруживаешь, что на самом деле они верят в какие-то принципы, какие-то структуры, в необходимость холопского подчинения этим структурам, только не в Божье присутствие в мире. Нам остро не хватает наивного и вместе с тем незыблемого, бесстрашного простодушия, дающего возможность понять, что *есть в жизни одно чувство — любовь, по сравнению с которым все второстепенно*. Все принципы, потому что нет правил без исключений. Даже все заповеди,

потому что любая теряет смысл, если перестает быть призывом, с которым лично к тебе обращается Христос. Нам кажется, что все заповеди нам даны из недоверия, а не от любви. Мы готовы узнать Бога в песнопениях, в сиянии свечи перед иконой, но, увы, нам не удастся узнать Бога в капризах больной матери или в боли, которую переживает в переходе метро грязный нищий. Наша религиозность сводится к ритуалам. Конечно, проще написать записку и дать ее прочитать священнику, чем простоять ночь на коленях у постели больного. Мы — люди, предпочитающие писать записки.

О ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ

Думаю, многих поражило при чтении Евангелия, сколько там инвалидов. Мы знаем, что их и в нашем обществе много, но мы их замечаем редко. Почему так, что за оптический эффект? Да потому что мы не видим главного в жизни. Чего хотел от инвалидов Христос? Он хотел каждого страдающего исцелить.

В Евангелии ни разу не сказано «выздоровливает». «Исцеляется» — от слова «целый», то есть человеку возвращается целостность, уходит страшная разбитость на фрагменты.

Мы устраиваем Олимпийские игры инвалидов, строим для них санатории, хлопочем о повышении пенсий. Мы ко всему этому относимся как к свидетельству нашей цивилизованности. *Но как это страшно — когда хромые общаются лишь с хромыми, а глухонемые — с глухонемыми. Меня смущает идея санатория для парализованных или «Общества слепых».*

Одна моя знакомая несколько лет была неподвижной. Всем было ясно, что она уже не встанет. Но так случилось, что несколько

женщин стали навещать ее и установили дежурство, которое несли круглосуточно. И ее дом стал центром удивительных встреч. У людей, приходящих туда, сложились необыкновенные отношения. Когда я к ней приходил, часто говорил: «Вы — президент самой настоящей маленькой страны». Бог ей не дал здоровья, но дал возможность соединять людей. Кто-то может возразить: такова специфика моей работы. Но к такому пониманию отношений с «аутсайдерами» способен прийти каждый. Между прочим, это один

из лейтмотивов американского кино. Лучшие актеры сыграли роли слепых, умственно отсталых, психически больных. В любом из фильмов инвалидов — как раз тот,

кто помогает. И финал каждого фильма — чудо исцеления того, кто был призван на помощь.

Мы все, сколько нас ни есть на земле, в чем-то здоровые и в чем-то

инвалиды. Никто не знает, кто он в данную минуту — врач или больной. Только когда мы перестанем делить мир на лекарей и пациентов, что-то начнет у нас получаться.

О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ДОСТОИНСТВЕ

В нашей природе изначально заложен страх. Но одни природные особенности надо развивать, а другие — перерастать. Однако мы боимся на каждом шагу и всего: выборов, дефолтов, повышения тарифов, маршей националистов, террористов... Человек, все время боящийся, теряет не только свое достоинство — он в конце концов оказывается смешным. Мы — почти точная копия древних греков. Занятно, что, побывав в Греции, я увидел, что они, во многом на нас похожие (это ведь православная страна и тоже не слишком богатая), ведут себя очень естественно. Их поведе-

ние не означает, что они верят, будто беда обойдет их стороной — нет, беда, как дождь, не выбирает, на чьи головы пасть. *Задача не в том, чтобы пробежать между каплями, а в том, чтобы достойно пережить бедствия. Опыт истории показывает: при всех кризисах выживают лишь те, кто не испугался. Не самые сильные физически, не те, кто запас больше крупы или соли впрок, а те, кто не содalis.*

И все-таки бесстрашные в России есть: это подростки и дети. Они всех наших страхов не замечают или взирают на них с какой-то беззлой иронией. Вот что в меня вселяет

надежду. Эти люди — сознательно их называю не детьми, а людьми — не испытывали в своей жизни того пресса, который ощутили на себе мы. И если мы действительно живем ради детей, надо постараться не быть в их глазах жалкими. Пройдет несколько лет, и они, а не мы, будут свободно избирать президента и парламент. Без оглядки на век, прожитый нами в состоянии перманентной паники. И тогда, наконец, я верю, Россия станет совершенно другой.

Михаил ПОЗДНЯЕВ
“НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ”
25 июня 2007 г.

Воскресение Христово было для него всепобеждающей реальностью. Крест Христов — ежедневным подвигом, легким бременем, и непрекращающейся радостью. Ему было дано плакать с умирающими, утешать безутешных, обнадеживать безнадежных, взysкивать погибших, возвращать в дом Отчий заблудших, и со всеми людьми радоваться о Христе так, как никому другому на земле. Слово его проповеди коснулось сотен тысяч сердец; тысячи обратились ко Христу благодаря его подвигу, его примеру, его пламенному свидетельству о божественной любви, его жертвенному служению людям.

В Первом Послании к Коринфянам апостол Павел говорит: «хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием. Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу» (1 Кор 4: 15-16). Читая эти слова за границей, я часто вспоминал об отце Георгии. Господь даровал мне немало прекрасных учителей, как в церкви, так и в академических кругах; как в России, так и за ее пределами. Но лишь об отце Георгии я могу сказать, что он «родил [меня] во Христе Иисусе благовествованием». Думаю, что это мое признание могли бы разделить сотни, быть может даже тысячи людей.

На физтехе (Московском Физико-Техническом Институте), где я, будучи студентом второго курса, впервые встретился с отцом Георгием в 1989 году, было немало назаурядных ученых и талантливых лекторов. Однако его лекции по курсу «Христианство: исто-

рия и культура» сразу привлекли к себе значительную аудиторию, включавшую не только студентов, но и профессоров нашего вуза.

До Чистякова я подобного Чистякову лектора не встречал (в то время он еще не был священнослужителем). С

ЗЛАТОУСТ НАШЕГО ВРЕМЕНИ: СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ОТЦА ГЕОРГИЯ ЧИСТЯКОВА

“Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу”
(1 Кор 4: 16).

самого начала лекции он совершенно завораживал, буквально околдовывал аудиторию музыкой своих слов. Он говорил на русском языке московской интеллигенции начала прошлого столетия (произнося, например, слово «вариант» как «варьянт»; «берет» как «бэрэт»), то есть на языке, который теперь позабыли. У него было необыкновенно тонкое чувство языка, можно сказать, абсолютный филологический слух, как бывает абсолютный музыкальный слух. Нас, будущих физиков и инженеров, это и удивляло, и одновременно привлекало. Он многим казался пришельцем из другого мира, мира гуманитарных наук, каноны которого столь значительно отличались от законов мира естественного-научного

Впрочем, главное было не в этом. Дело было совсем не в его блестящем риторическом даре, хотя и этот дар был для него средством выражения истины. Главное было в том, что он распахнул перед нами, вскормленными

на наивном материализме и атеизме советского времени, незнакомый мир божественного откровения. Он говорил о мистической реальности божественного присутствия с такой непосредственностью и убежденностью, с таким дерзновением и духовной смелостью,

что даже те из нас, кто были настроены очень скептически и цинично, не могли не заразиться его верой. В его словах была бесконечно подкупающая и обезоруживающая искренность и кристальная ясность — кляризм, который он, полагаю, унаследовал от своего отца, известного математика Петра Георгиевича Чистякова.

Он не говорил, а буквально обжигал нас словами о Христе. Даже те из нас, кто духовно пребывали в летаргическом сне, под влиянием его слов обретали способность услышать апостольский призыв: «встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос» (Ефес. 4: 1). Его лекции были нескончаемым *sursum corda* («горе имеем сердца»). Его слова как на крыльях возносили наши сердца к Богу. В этом смысле, его можно назвать Златоустом нашего времени.

В Оксфорде на факультетах богословия до сих пор сохраняется традиция так называемых *lecture-sermons*, то есть

лекций-проповедей. В пространстве пост-советской академического мира отец Георгий создал свой собственный жанр выступлений, которые были также содержательны, как лекции, и также зажигательны, как проповеди.

Он был незаурядным филологом и историком, обладал феноменальной, почти фотографической памятью и колоссальной эрудицией. Однако те знания, которыми он с нами делился, не были только книжными, они не сводились к компетентному изложению фактов. Все в евангельской вести о спасении он сам пережил очень остро и лично, и потому все, о чем бы он не говорил, несло печать его собственного религиозного опыта. Мистика Фаворского света и Иисусовой молитвы занимала в его жизни особое место. Впрочем, о собственном опыте он говорил мало, сохраняя в этом вопрос сдержанность, присущую восточно-христианской традиции.

В типе его религиозности не было ничего поверхностного, ничего наносного, ничего декадентского, никакого «стилизованного православия» (выражение Николая Бердяева). Думаю, что о типе его религиозности будут еще много писать и спорить, потому что к нему едва ли применимы какие-либо стереотипы. В таком тонком вопросе у всякого автора будет искушение сотворить облик учителя по образу и подобию своего религиозного идеала. (Я был близко знаком с отцом Георгием в 1989-1992 годах, а впоследствии, с возвращением в Киев и последующим переездом в Соединенные Штаты, виделся с ним лишь эпизодически. В связи с этим, мне труднее судить о его духовной эволюции за последние пятнадцать лет его жизни, нежели о годах непосредственно предшествовавших его рукоположению в сан священника в 1992 году).

Евангелие было его жизнью. Евангелие для него было не просто авторитетной книгой, не предметом изучения, а наиболее подлинным содержанием жизни. В центре этой жизни стоял Христос. Христоцентричная жизнь, учил он, всё способна расставить на свои места, излечить всякую болезнь, как в душе отдельного верующего, так и в церкви в целом. Вся его жизнь была подражанием Христу, славословием Христу, благодарственной молитвой Христу, «песнью песней», обращенной ко Христу.

Исследователь литургических текстов, он был совершенно свободен от обрядоверия. Ценитель и тонкий знаток церковно-славянского языка, он был далек от идолопоклонства перед церковными древностями. Впрочем, ему в равной степени был чужд и революционный пафос тех, кто стре-

мились к кардинальным переменам в языке и структуре богослужения.

Он глубоко знал и ценил православную традицию, но слепой и узкий традиционализм — это детище короткой церковной памяти — был ему чужд. Его колоссальная эрудиция позволяла ему мысленно переселяться в мир античности с такой же легкостью, как и в мир средневековой Европы или царской России. Однако его интерес к историческим вопросам никогда не был исключительно антикварным, его всегда глубоко волновал вопрос о том, как знание, а по большей части незнание и манипулирование историей, влияют на формирование мировоззрения современных верующих.

Он знал и любил византийское христианство, особенно различные проявления византийской святости и молитвенной практики, но критиковал различные проявления современного церковного византизма. Он порицал всякую зависимость церкви от государства.

Он отвергал всяческую духовную диктатуру и тиранию, которая является немалым искушением в среде клириков. Он относился с большой бережностью к духовному росту человека, к уникальности и неповторимости пути каждого человека к Богу. Уважение к человеческой личности означало для него одновременно и уважение к свободе выбора. Этим, возможно, объясняется тот факт, что будучи столь яркой личностью, он все же не создал никакого культа вокруг себя или собственного учения. Он приводил людей не к себе, а ко Христу.

Он был пророком евангельской свободы. Вера во Христа есть начало подлинной свободы. Стать учеником, другом и сыном Христа, значит обрести свободу, которая означает в первую очередь отвержение власти греха. Служение Христу не следует подменять поклонением идолам, пусть даже таким привлекательным как церковная старина, великоросский шовинизм и ксенофобия. Должен оговориться, что свободу он понимал не только отрицательно, но и положительно, как свободу во имя ученичества и служения Христу. Столь высоко ценя свободу, он вместе с тем был наделен исключительной духовной трезвостью. В сфере христианской этики он был целиком верен евангельскому идеалу и не терпел никакой двойственности.

Как верный сын Православной Церкви, он защищал не узконациональный, но сверхнациональный, католический и вселенский характер православия. У него всегда было множество друзей среди инославных христиан, особенно среди франкоязычных католиков. Мистическое единство Тела Христова, единство святых, мучеников, и исповед-

ников, было для него столь очевидной данностью, что вопрос о внешней, иерархической реализации этого единства становился второстепенным.

Он был готов разделить с нуждающимися последнее, что имел. Довольствуясь в материльном плане самым необходимым, он никогда не выставлял на показ свой аскетический образ жизни. Одевался он (до принятия сана) по-профессорски старомодно, но всегда с достоинством. В его неустроенности в этом мире было что-то от странника и от юродивого. Помню как после лекций он то и дело терял перчатки и зонтики, которые я с большим азартом любил разыскивать и возвращать ему.

По окончании лекций я провожал его по дороге из аудиторного корпуса на физтехе до станции электрички «Долгопрудная». Я забрасывал его вопросами, а он очень внимательно и терпеливо на них отвечал. Мне тогда часто в голову приходили слова Плотина об его учителе, Аммония Саккасе: «Вот тот, кого я искал всю жизнь!» Оглядываясь в прошлое, я могу сказать, что эта дорога к электричке стала для меня в духовном плане Эммаусской (Лк. 24: 13-35).

В византийском греческом есть редкое слово *harmolure*, состоящее из двух корней *hara* («радость») и *lyre* («печаль»), которое на русский язык обыкновенно переводят как «радо-стопечалование». Наша печаль о его безвременной кончине, которую трудно выразить словами, все же не заглушит радости о том, что Господь послал в мир человека, одарив его столькими талантами. За свои пятьдесят три года он успел совершить более добра, нежели большинство из нас смертных.

Утром, пробегая мимо Harvard Square в Кембридже (штат Массачусетс, США), я думал о том, что обязан отцу Георгию всем: тем, что оставив свои занятия теоретической физикой, я обратился к изучению богословия; моей научной карьерой, приведшей меня к преподаванию в богословской школе Гарварда; моим служением в Православной Церкви. Даже с моей будущей женой я познакомился на семинаре по латыни у Георгия Петровича. Он был для меня истинным педагогом, «детоводителем ко Христу» (Гал. 3: 24)...

Воскресение Христово было для него всепобеждающей реальностью в этой жизни. Теперь он там, где о воскресении уж более не нужно никаких свидетельств. Да сотворит ему Господь вечную память.

Павел ГАВРИЛЮК,
доктор богословия

*Профессор исторического богословия
Гарвардского Университета и
Университета св. Фомы Аквинского
(Сент Пол, Миннесота, США)
Диакон Американской
Православной Церкви*

КРАТКИЕ ОТКЛИКИ ИЗ БЛОГОВ И ФОРУМОВ:

Елена Ланская

lanslena:

Маша, старшая сестра, первая из нашей семьи пришла к решению креститься. Тогда о. Александр Мень приходил к нам в школу, читал цикл лекций о Библии, и она с ним даже уже предварительно договаривалась, что приедет в Новую Деревню для разговора, он дал ей расписание служб... Но тут его не стало. Для нас это было ударом, для Маши — особенно.

Потом, когда Маша уже не вставала, ее подруга привела к ней отца Георгия. И стала ее крестной. Это, похоже, был 94 год. Я хорошо помню, что отец Георгий не вписывался в уже сложившийся у меня образ батюшки (я к тому времени пела уже на клиросе). В первую очередь, он отказался, чтобы его где-то встречали, сказал, что наш квартал хорошо знает. Ну, и вообще, ну не похож он был на попа.

hedgy:

Он крестил мою Саньку четырнадцать лет назад. Он четыре года назад отпевал Сашкиного дедушку, Сашу Николаева. Он много лет был настоятелем большого храма в РДКБ, утешал и окормлял смертельно больных детей и их родителей, провожал тех, кто умирал там. Он помнил по именам всех своих прихожан. Помнил все про каждого. Когда ты шел к нему, ты думал — надо сказать то и это, объяснить всякое сложное и трудное про себя так или эдак — а стоило начать говорить, и становилось ясно, что он и так уже все понял, знает,

Еще мне показалась забавным его манера произносить молитвы — со страшной скоростью все до слов «Ныне и присно», и потом на манер дьякона перед Трисвятым — и во веки веко-ов! И тембр его голоса... Я еще тогда подумала: соседи, наверное, удивляются, что такое мы делаем...

Он привел с собой племянницу, Наташу, сказал, что она поможет ему петь. Узнав, что я тоже пою, ужасно обрадовался, и, указав на нашего попугайчика, свистевшего во всю мочь, сказал: А вот и регент!

После крещения немного посидел, пообщался с папой <профессор-химик, разносторонне образованный, литературно одаренный человек с великодушным чувством юмора — ред.>. Они, конечно же, нашли друг друга. Жаль, что он папу так и не «уловил» для Церкви...

Есть у нас что-нибудь он всегда отказывался. Только один раз, он причащал бабулю, и мы по случаю ее именин

и никакие объяснения не нужны. Он бесконечное число раз утешал меня, тряс за плечи и говорил всегда самые нужные в ту минуту слова... Он единственный человек на свете, к которому я могла прийти и в ту же секунду почувствовать, что меня любят и понимают до донышка, до конца...

Память о нем, нежность и благодарность к нему были ниточкой, которая связывала меня с церковью даже в те годы, когда я вообще не хотела ничего о ней слышать. И когда я пришла наконец в храм, где не была несколько лет, он

Светлана Я.

alраса:

НЕ ДЛЯ ОФИЦИАЛЬНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

Сформулировалось в комментариях к посту одного хорошего человека.

Начинают появляться первые воспоминания, и от них, как правило, ещё больнее. Потому что моего о. Г. я в них не узнаю.

Там идеальный батюшка, любящий всех каждую минуту, находящий для каждого нужное слово, в каком бы он сам состоянии ни был, сколько бы народа его ни осаждало...

Мой духовный отец — не такой.

Для меня у него, как правило, нужных слов не находилось — потому что устал, потому что болен, потому что вокруг безумно много людей, больных физически и душевно. Я практически всегда плакала, когда смотрела Jesus Christ superstar — помните тот момент,

когда Христа осаждают больные и немощные, Он практически погребён под толпами жаждающих исцеления? Видела на экране о. Георгия — мне кажется, у него такое происходило постоянно (вспоминается его тяжёлый вздох: «Света, у нас здесь — мясорубка»). Может быть, он и умер так рано от этого.

Это казалось иногда адом на земле, но, видимо, оказалось чистилищем — многие говорят, что смерть от остановки сердца во сне при диагнозе о. Георгия — это невероятное милосердие Божие.

Для нас — тех, кто хоть чуть-чуть мог ходить сам, или даже не мог, но не мог и другого — пренебречь дышащими в затылок в очереди на исповедь

чего-то там наготовили, а он как всегда не хотел садиться за стол — и я ему говорю: Отче, Вы прямо как Монте-Кристо в гостях у Мерседес... Он рассмеялся и остался, с исключительным изяществом что-то съел быстренько и полетел дальше...

Когда Машу хоронили, он на отпевании произнес проповедь о том, что Бог дает нам без наркоза воспринимать эту боль... Подобные мысли есть в его потрясающей давней статье, про РДКБ и утраты, про то как нельзя УТЕШАТЬ, как если бы смерть близкого человека была чем-то незначимым.

После этого один из наших друзей, по-глупому воинствующий атеист (хотя вообще не дурак), сказал папе: «Слушай, у меня сложилось впечатление, что этот поп даже не глупый!» Папа ответил: Да уж поумней нас тобой! Тот обиделся...

Не могу сказать, что мы много общались. Но каждое «здравствуй» было не пустым.

выхватил меня глазами, поймал, обнял и сказал: «Не пропадай больше, возвращайся, я всегда тебя жду».

А последние три года я жила в соседнем с ним доме, и все мечтала, что когда-нибудь встречу его не в Косьме, а вот прямо тут, на улице, возле подъезда, и он улыбнется, просияет и спросит, что я тут делаю, а я ему отвечу: «Батюшка, да мы же с вами соседи». Не успела...

Я не встречала людей лучше него. И буду стараться верить, что он, как обещал, ждет меня — теперь уже точно навсегда.

десятками-сотнями людей и очередной болезнью отца (такая распятость, да — каково же было ему?), оставалось молчание, или — «Ну, как-нибудь в другой раз», или «Ну, будем молиться», «Ну, будем прорываться». И тогда сто раз подумаешь, прежде чем подойти. Прежде чем позвонить, даже если это очень нужно.

Я знаю, эти мои слова — они очень о многих. К счастью. И о нашей боли — сколько из нас хотели позвонить ему в последние две недели — услышать, поддержать, но в очередной раз решили не обременять собой, не беспокоить.

Так вот, от этого свет Христов, который нёс нам — мне — о. Георгий, не тускнеет. М.б., становится только ярче, очищенный уже на земле. Да, меня не гладили по головке и не утешали — но меня научили читать Евангелие и отцов, любить и учить древние и новые языки, молиться и работать. Ценить даже те две минуты, на которые можно

было подойти к аналогу — какой лепет, какие истерики, вы что? — там бы вздохнуть успеть, не захлебнуться, перечисляя то, что абсолютно необходимо назвать. И ещё — то, что становится особенно важно сейчас, когда последние комья земли уже упали на крышку гроба — меня научили держать связь

Священник Филипп Парфенов:

О, Господи, жалко-то как... Укрепи всех чад его в постигшей их скорби! Даруй иерею Георгию быть еще большим и дерзновенным молитвенником за них у престола славы Твоей!

Captain Nemo:

Такие люди, как отец Георгий, доказывают всем нам, что человек был создан по образу и подобию Божьему. Такой человек ухаживает, и становится темнее, как будто погасла лампада. Вечная память. Помолись, отец Георгий, за нас грешных...

а net: ОБ ОТЦЕ ГЕОРГИИ ЧИСТЯКОВЕ

В самом конце отпуска на вокзале в Феодосии узнала — скончался отец Георгий Чистяков.

Писать сейчас очень трудно. Страшно сказать хотя бы одно слово неправды, фальши. И, в то же время, сказать очень важно!

Всего несколько дней назад я вдруг отчетливо вспомнила батюшку, рассказывая о нем одной славной девушке, и подумала: приеду в Москву, обязательно схожу в храм Космы и Дамиана, я ведь там не была уже много лет. А ехать теперь придется на кладбище...

Этот человек оказал огромное влияние на мою жизнь. Мне так повезло, что я чему-то успела научиться у батюшки,

на расстоянии. «Света, я говорю это тебе как человеку неболтливому».

Воспитывали не слова, не долгие разговоры, воспитывало само существование этого человека на земле и то, в каком направлении он смотрел, он — слабый, бедный, истеряющий, болящий, изо всех, обычно последних,

сил держащийся за Христа и Евангелие. Очень больно, но — слава Тебе, Боже, что это было и есть именно так, идеальному батюшке я бы не поверила. Царство тебе Небесное, отче — ты так любил подчёркивать, что оно уже, ныне (греческое «нын») среди нас, значит, и ты рядом. И Христос.

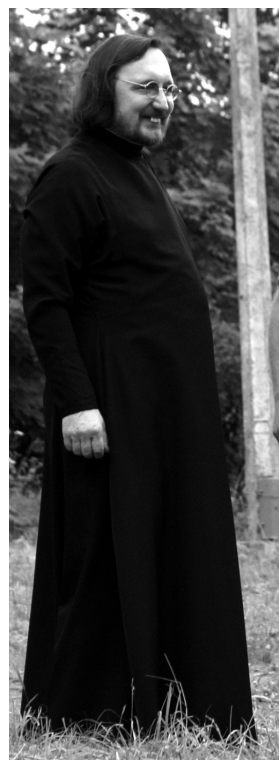
Yuriy_K.:

Просто удивительно, как иногда люди совпадают по образу со своей фамилией...

Газарян Анатолий:

Какие пронзительные слова Отца Георгия! Его мятущаяся душа воспринимающая боль и муки других... отошла...

Преклоняю колени! Упокой душу раба Божьего отца Георгия!

galinka_g

ВЧЕРА ВДРУГ ПОНЯЛА...

Я верю в то, что Бог вообще Милосерден и Благ. Но когда я слышу о том, что Бог любит меня особенной любовью, именно меня лично особенно любит и знает и т.д., в это как-то верится, но одновременно и нет, т.е. легче верится в то, что он всех просто любит в целом... и всё.

Но если вдруг (а такое бывало несколько раз в жизни) я принимаю сердцем глубоко эти слова о том, что Он меня лично как-то особенно любит, слёзы текут..., и лёд тает, и...понимаю, что если это так — я самый счастливый человек, что об этом-то я всегда и мечтала...

Я сегодня вдруг поняла, что каждый раз, когда мы виделись с о. Георгием, казалось, будто я чувствовала его особое отношение ко мне. Я думаю, многие чувствовали это особое отношение к себе. Я всегда удивлялась, что он помнил обо мне какие-то вещи, молился обо мне... Как-то раз я лежала в больнице и написала смску Тане Прохоровой с просьбой передать о. Георгию о случившемся и попросить его молитв. Через несколько месяцев я пришла на исповедь к нему в полной уверенности, что он не помнит уже о том, что у какой-то Гали там что-то случилось... Но он сказал: «Да-да, я знаю. Я всё знаю».

Меня всегда поражало то, что он помнил о моих проблемах, вытаскивал за руку из очереди на исповедь, когда я только вышла (в другой раз) из больницы...

Как так можно? Как он мог столько людей помнить в лицо (запоминал очень быстро). Это было так приятно, когда перед чашей он сам называл меня по имени. И я знаю, что он был таким же чутким и внимательным ко всем своим чадам.

Вот это меня и поражает.

В этом для меня пример того, как Бог любит каждого из нас особенной любовью.

Он старался передать эту особую любовь нам.

Если человек, священник умел так помнить о каждом..., то как же любит каждого из нас Бог!

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Сегодня, дорогие друзья, благодаря Евангельскому чтению, мы с вами становимся свидетелями того, как входит Иисус в Иерусалим, свидетелями того, как встречают Его дети с пальмовыми ветвями в руках, и, конечно же, в эти мгновения не можем не задаться вопросом: что есть то главное, что дает нам Иисус в этот день? Помните, как Он Сам нам говорит в Евангелии от Матфея: один у вас Учитель — Христос. Так вот что нам дает наш Учитель в этот день?

Наверное, прежде всего Он нам показывает, что такое — не бояться. Он выезжает в Иерусалим, хотя прекрасно знает, что идет на верную смерть. Но смерть для него не страшна, как часто бывает для нас, и не страшна не потому что Он — воскреснет, — нет, совсем по другой причине! Я думаю, что не воскрес бы Христос, если бы Он боялся!

Смерть не страшна для Господа только потому, что он знает: Он идет вперед ради вот этих людей, которые Его окружают, ради других людей, которых Он в этот момент не видит, которые живут в других странах, на других континентах, которые будут жить — через сто, через тысячу, через две тысячи лет.

Он не боится, потому что Он идет по этой дороге ради нас.

Ему трудно, Он плачет, Он переживает что-то очень большое, Он собирает все Свои силы и чувствует, что сил этих не хватает — мы знаем это из Гефсиманской молитвы, — но Он идет вперед. Потому что идет ради нас, для того чтобы нам помочь, для того чтобы сделать для нас что-то абсолютно необходимое.

И этот урок Иисусов каким-то образом — каждым и каждой из нас по-своему, — но должен быть пережит всеми. Мы тоже должны жить и все, что мы делаем, делать ради тех людей, которые нас окружают — дома, на работе, здесь, в приходе, в Москве и в других городах, для людей знакомых и незнакомых, для людей, которые, как часто бывает, еще утром были незнакомыми, а к вечеру становятся друзьями, дорогими, необходимыми.

Когда-то, уже много лет назад, я написал, что христианство есть религия узнавания в человеке, которого никогда раньше не видел, близкого человека, брата или сестру. Вот это узнавание — чем больше живешь, тем оно становится значительнее в жизни. Когда узнаешь этих людей — понимаешь, что им нужно посвятить и свое время, и свою квалификацию, и свое здоровье. Эти люди могут быть нашими собственными детьми, или внуками, или

родителями, нашими учениками в школе, нашими пациентами в поликлинике или в больнице, нашими клиентами в той структуре, где мы работаем; эти люди могут нас окружать и на улице, и в транспорте — где угодно, эти люди могут жить в самых неожиданных местах, и быть самыми неожиданными людьми для нас. И тогда мы начнем

Мы видим плачущим Его в эти дни. Но все равно Он идет вперед и не боится, потому что Он идет ради нас с Вами; ради тысяч, миллионов, миллиардов, теперь уже триллионов людей идет Он по этой дороге.

Поэтому сегодняшний день оказывается не только трагичным праздником, но и праздником удивительно радост-

Священник Георгий ЧИСТЯКОВ

ДЕНЬ ПОБЕДЫ НАД СТРАХОМ

понимать: не для того, чтобы просто так протянуть еще десять лет, чтобы осмотреть очередные десять музеев, чтобы прочитать очередные десять книг, живем мы, но для того чтобы что-то сделать для людей вокруг нас...

Знаете, вот если эта вся взаимосвязь между нами будет определяющей в нашей жизни, то окажется, что и проблем много меньше, и грехов много меньше; тогда даже не уныние, на самом деле, а какая-то тень уныния будет иногда посещать нас, когда сил не хватает и когда кажется: вот, физическое состояние не позволяет мне что-то сделать...

Но вы знаете: если эту тень уныния гнать, тогда окажется, что и физическое состояние не беда, не помеха, не китайская стена. Сколько я знал людей, которые, несмотря на тяжелейшие болезни, несмотря на очень скверное физическое состояние, оказываются невероятно полезными людям вокруг именно в силу того, что они не боятся! Христос знает, куда Он идет. Уже Голгофа у Него перед глазами. Он знает, что не умереть в этой ситуации Он не может. Ему трудно. Он плачет.

ним: это день очень трудной, но удивительной победы — это день победы над страхом. Именно поэтому мы совершаем сегодня богослужение в белом: белый цвет — это цвет победы.

Давайте сейчас, мысленно обращаясь к Богу, просить Его во Христе Иисусе дать нам силы, дать нам мудрость, дать нам мужество преодолеть слабости нашего эгоцентризма, преодолеть слабости разного рода наших страхов и психологических проблем. Людей вокруг нас всегда достаточно. И ради кого идти на тот или иной шаг, ради кого вставать, ради кого не спать, ради кого без лифта подниматься на пятый этаж, ради кого отдавать последние деньги — иногда действительно последние — есть, и мы это можем, и мы это сможем, если откроем сердце навстречу нашему Господу, который входит сейчас в Иерусалим, входит ради нас с Вами.

Да простит, да благословит и да вразумит вас Бог.

Проповедь в Вербное Воскресенье,
2000 г.

Священник Георгий ЧИСТЯКОВ

НА ЗАРЕ ТУМАННОЙ ЮНОСТИ

ВСТРЕЧА

Птицы, не замолкая ни на минуту, будто действительно молятся Богу — «на своей латыни», как сказано у Осипа Мандельштама. Их удивительно много — в каждом кусте, на каждом дереве и прямо в траве. И льются с четырёх часов утра, не переставая, *tenui gutture*, как говорится у Овидия, или «из горла их нежного», чистейшие звуки этой человеку недоступной «латыни». Недоступной и прекрасной.

А сад наполнен «благовонным дыханьем сирени». Парковой, или венгерской. Эта сирень — особенная, кусты её вырастают до огромных размеров, но в букетах она не сохраняется, сломанная — сразу вянет. Однако каждый куст её выглядит сам как гигантский букет. «Во всём улыбка, жизнь во всём». Это Тютчев, которого я открыл минувшей зимой.

«Жизнь во всём». А мне почему-то грустно... И кажется почему-то, что в жизни моей теперь никогда не будет ничего хорошего, ведь детство закончилось навсегда. А что ждёт меня впереди — об этом лучше просто не думать. Ибо мне уже шестнадцать... Брежнев уже вошёл в Чехословакию войска, и шестидесятые годы сразу же ушли в прошлое.

Поэтому хорошо только здесь, далеко от Москвы, где благоухает сирень, где поют птицы, а мои соседки, две пожилые дамы (мать и дочь), читают дамские романы — Локка, Оливию Уэтсли и Клода Фаррера и так далее. Романы, в которых описываются роскошные виллы, стоящие прямо над берегом моря, запах печёного лангуста и дамы в шёлковых платьях за рулём открытых автомобилей. Романы, которые они сами же перепечатывают на машинке, взяв оригинал на несколько дней у какого-то «счастливца», владеющего «прекрасной библиотекой». Но только я в этих романах, два или три из которых (потом, через много лет) не без удовольствия прочитаю, тогда почему-то не находил ничего интересного.

Тогда я читал Диккенса. Книгу за

книгой. А потом залезал на чердак — разбирать старые журналы: русские, вроде «Нивы» и «Отдыха», и французские, тоже сохранившиеся от царского времени, невероятно пыльные и в большинстве своём ужасно пошлые. Правда, именно благодаря этим журналам я до сих пор помню какие-то стихи из Сюлли-Прюдома и Франсуа Коппэ, поэтов, которых теперь и во Франции, кажется, давно уже никто не читает.

Среди этих журналов я нашёл и две или три разорванные книжки «Аполлона» со стихами Гумилёва, поэта, как говорил он сам (об этом, кажется, написано у Одоевцевой), известного мне тогда только по имени. Помню, как прямо на «высоком чердаке», сидя в пыли среди какой-то старой рухляди и груд пришедшей в полную негодность мебели, которая и в самом деле выглядела «как ряд скелетов», я читал «Капитанов». «Шелестят паруса кораблей...»

К вечеру я знал их *par coeur* и, кажется, готовился уже прочитать с эстрады, но тут отец, как раз на другой день приехавший из Москвы на воскресенье, рассказал мне, что Гумилёв был расстрелян ещё при Ленине. Поэтому не только его стихи запрещены, но и само имя никогда не упоминается в печати.

Именно от отца я к тому времени знал о Ленине и Сталине почти всё. Знал о массовых расстрелах и арестах и о «красном терроре», знал, главное, о том, что во всём виноват не Сталин, «исказивший ленинские нормы партийной жизни», но что сами эти нормы ужасны. Знал и том, что сегодня, в конце шестидесятых годов, хотя и не расстреливают, но сажают. Знал о мордовских лагерях и так далее.

Всё это знал я уже тогда, и сейчас благодарен за это отцу бесконечно. Это он, безумно боявшийся, что я со своим холерическим темпераментом быстро окажусь где-нибудь в Мордовии, тем не менее, не пытаясь сделать меня «советским», говорил мне только правду и более того — **всю** ту правду, что знал сам. Но о Гумилёве мы с ним прежде

почему-то никогда не говорили, хотя стихи он любил, и прежде всего поэтов начала века.

Настоящей страстью моего отца был велосипед. Мы уезжали с ним километров за тридцать и во время этих поездок, не пытаясь развивать какую-то особенную скорость, разговаривали часами. *De omni re scibili* — «обо всём, что дано нам знать». Так говорил Пико делла Мирандола.

О чём только мы не беседовали во время этих прогулок! И сейчас, когда проезжаешь по местам, где мы тогда бывали вместе с ним, именно в связи с конкретными пейзажами и даже в связи с поворотами дороги неожиданно выплывают из памяти подробности наших разговоров, иногда — мельчайшие.

Так, оказываясь на Егорьевском шоссе у дома, который, разумеется, не имеет никакого отношения к поведенной отцом истории, я всякий раз вспоминаю, как он рассказывал о командире полка, расквартированного в Нахабине. Отец жил там летом, когда было ему лет пятнадцать. Я не просто вспоминаю: я вижу, как всё было, хотя это произошло совсем в другом посёлке и задолго до моего рождения. И только цепкая память подростка почему-то навсегда связала эту историю с симпатичным домиком вблизи станции Донино.

Вернувшись домой, командир, кажется, человек симпатичный, ибо в посёлке его все любили, пил с женою и тёщей чай на террасе, когда к его калитке подъехала незнакомая машина. Всё это видели собственными глазами игравшие на улице мальчишки. Решив, что на него напали какие-то бандиты или просто «враги трудящегося народа», они было попытались защитить командира своим криком, но «бандиты» мгновенно затолкали его в свою машину...

Сирень всё ещё цветёт, а я продолжаю разбирать старые растрёпанные журналы и книги, что иногда прямо в руках рассыпаются от ветхости. Их много в нашем сарае, на чердаке у соседок и в сундуке у Екатерины Филипповны, вдовы маминого крёстного — знаменитого учёного-аэродинамика, человека, который всю жизнь оставался беспартийным и ни от кого не скрывал, что верит в Бога. В тридцатые годы он не подписывал никаких писем в поддержку расстрелов «врагов народа» и ходил в церковь Покрова на Лыщиковой горке. Именно тут по его просьбе священник повенчал моих родителей. Петра и Ольгу.

Среди этих книг я нашёл и Евангелие. Маленькое служебное Евангелие,

конечно, на славянском. Не могу сказать, что до этого я был неверующим. Нет, я всегда любил церковные праздники, особенно Пасху, которую ждал каждый год с большим нетерпением, готовился к ней, как мог. Любил бывать в церкви, ставить свечи и подавать записочки на обедню, не всегда, но молился, а временами в Воскресенском храме в Сокольниках до часу простаивал на коленях перед Иверской иконой, дома иногда читал акафист святителю Николаю, которого считал покровителем нашей семьи. Но Евангелие почти не открывал, а если читал иногда, то только по-русски.

Теперь всё неожиданно изменилось. Изменилась сама жизнь. Оказалось, что я просто не могу жить без этой книги, вернее, без этого человека. Тогда я не задумывался над тем, кто это — «один из пророков», Сын Божий или простой равви из Назарета. Я хотел только не расставаться с Иисусом никогда — и всё. Садился на велосипед, уезжал куда-нибудь в лес и читал там Евангелие часами. Читал, заучивал на память и отдельные стихи, и целые страницы, то и дело возвращаясь к тому, что было прочитано прежде. И так изо дня в день. То про себя, то беззвучно шевеля губами, то вслух и даже нараспев. Потом одна моя знакомая, вернее, коллега, известный историк и автор книги об античной Паннонии, рассказала мне, что и она дома читала Евангелие вслух, запираясь для этого в ванной.

Уже отцвела сирень. Гигантский и благоуханный её букет превратился в обычный зелёный куст, но зато ночное небо наполнилось августовскими звёздами. А птицы... Те самые птицы, что «витают под сению велиих ветвей древа, вырастающего из зерна горюшичного», замолчали, занявшись уходом за птенцами.

А я продолжал идти вслед за Иисусом и Его учениками по каменистым дорогам Галилеи. Порою славянский язык оказывался мне не под силу, но тогда меня выручал церковно-славянский словарь Григория Дьяченко, который я обнаружил уже не помню, где именно, кажется, в сундуке у Екатерины Филипповны. Помогли и бабушкины книги по славянским древностям.

«Всю тебя, земля родная, в рабском виде Царь Небесный исходил...» — говорится у Тютчева. Я, однако, понимаю эти слова не только в том плане, в каком понимал их поэт, но и по-своему, очень лично. Читая Евангелие в лесу, который я хорошо знал с детства, я как-то соединял в сердце (так уж устроена

моя память) какие-то места этого леса с теми страницами Евангелия, которые я читал именно в этих местах. Он, действительно, исходил эту землю, в том числе и тогда, когда я читал здесь о том, как «иде Иисус в субботы сквозе сеяния; ученицы же его взалкаша и начаша востерзати класы и ясти».

Вот почему зимой, приехав, чтобы покататься на лыжах, на несколько дней к моим друзьям, вдове лесника и его детям, которые, конечно, жили за городом весь год, я в зимнем лесу сразу обнаружил места, где Он, безусловно, был. Его места. Поэтому лыжные прогулки стали какими-то странными встречами с раввунни. Вернувшись однажды домой, уставший от быстрого бега и полный радости от того, что был там, именно там, в моей Галилее, где впервые я

встретил **моего Иисуса**, я вошёл на кухню. За столом вместе с каким-то человеком, показавшимся мне чем-то похожим на древнего ассирийца, сидел старший сын моей хозяйки.

«Алик очень спешит, — сказал он, — поэтому мы решили поесть на скорую руку. Алик мой старый друг. Он жил здесь, когда мы были пацанами». И, помолчав: «А вам будет, наверное, интересно поговорить друг с другом. О *вашем* Евангелии». «Священник Александр Мень», — сказал, вставая и протягивая мне руку, «ассириец». Он действительно спешил, но всё же в тот день я успел узнать, что идти вслед за Иисусом можно не только в одиночку, но и вместе, ибо именно словом «**вместе**» называли первые христиане свою общину.

ЧТОБЫ ЭТА ДОРОГА СТАЛА МОЕЮ

Вслушиваясь в ворчание волн, я вижу по песчаному берегу моря. Мне предстоит пройти километров семь или восемь. Погода не особенно холодная, скорее, даже тепло, но людей на пляже почти нет, поскольку в этой части Латвии отдыхающих всегда не много. Поэтому море сегодня принадлежит мне одному...

«Ах, как давно то было», — как воскликнул однажды Владимир Соловьёв. Но оно, «море великое и просторное» — *mare magnum et spatiosum*, действительно было в тот день моим. От горизонта до горизонта. Северное море... Так, начитавшись Гейне с его «*Nordsee*», я называл тогда Рижский залив. В те годы я был абсолютно уверен в том, что никогда и ни при каких обстоятельствах не попаду в Европу (граница была на замке), а поэтому оставалось одно — фантазировать, мысленно превращая Латвию — в Германию, Эстонию — в Швецию, а Крым — в Элладу.

Я был юн и несчастен, как бывают, наверно, лет в девятнадцать несчастны все или почти все, а в особенности студенты-филологи, только вчера в тишине библиотеки открывшие для себя горький вкус романтической тоски. Я шёл босиком по берегу моря и бормотал про себя слова из 142-го псалма: *Notam fac mihi viam, in qua ambulem* — «Скажи мне, Господи, путь, в онь же пойду». Я был чудовищно одинок и невыносимо несчастен, хотя было мне на самом деле удивительно хорошо.

In qua ambulem. Глагол в сосла-

гательном наклонении, а вернее, в конъюнктиве, указывает на то, что придаточное это не просто определительное. Оно отвечает не только на вопрос «какой именно путь?», но несёт в себе ясный оттенок цели, ибо местоимение *qui* выступает здесь в роли союза *ut*. «Скажи мне, Господи, путь, **чтобы** я по нему пошёл». **Чтобы**... **Чтобы**... **Чтобы**... Звонит где-то глубоко-глубоко внутри у меня это «чтобы», как колокола на Пасху во время крестного хода... И вообще Библия почти никогда не отвечает на мои вопросы, но просто указывает дорогу. **Чтобы** она, эта дорога стала моей. *In qua ambulem* — «в онь же пойду».

Латинская грамматика, в которую я был тогда влюблён без всякой меры, удивительно точно расставляет все акценты практически в любом тексте, а здесь, в псалмах царя Давида, она просто творит чудеса. Придаёт стихам, так хорошо знакомым и так давно известным, столько раз читанным на клиросе и дома, в полумраке вечернего богослужения и в пронзительные мгновения утренней зари перед началом ранней обедни, новую точность и невероятную выпуклость. Открывает их абсолютно новое для меня измерение. *In qua ambulem. Ambulem.*

Слова *Domine*, или «Господи», здесь нет. Я его знаю из славянского перевода, ибо постоянно читаю на утрени шестопсалмие: «Скажи мне, Господи, путь, в онь же пойду, яко к Тебе взях душу мою». Есть оно и в греческом, у семидесяти толковников, в так называ-

емой Септуагинте... Но только не тут, у блаженного Иеронима, латинского переводчика Писания. В его Вульгате оно стало **невидимым**, хотя, конечно же, он, в отличие от московского студента начала семидесятых, он, великий филолог и аскет, помнил по-гречески все псалмы наизусть.

Именно невидимым становится здесь это слово, как и в иврите, где в этом месте тоже отсутствует обращение «Господи»... А вообще Иероним удивительно точно воспроизводит еврейский текст Слова Божьего. Не случайно же он опирался на Оригена и его Гексаплы. А Господь? Он, конечно же, присутствует и здесь, но **невидимо**: «Камо пойду от Духа Твоего и от лица Твоего камо бежу...»

Я всё иду и иду по берегу моря и повторяю своё *Notam fac mihi viam* — «Скажи мне, Господи, путь». По латыни, однако, эти слова звучат чуть-чуть по-другому: «Сделай путь для меня заметным...», а не просто «скажи (или укажи) мне». Русским словом «путь» обычно переводится латинское *iter*, слово, постоянно встречающееся в записках у Юлия Цезаря, холодное и военное, слово, от которого воняет полбой, что ели голодные и злые римские солдаты. Но тут, в псалме у Иеронима, стоит совсем другое, удивительное и в своей простоте необычайно прекрасное слово *via*. Просто дорога. Это его, именно его употребляет Иисус, когда говорит: «Аз есмь путь и истина и жизнь». Хотя, разумеется, Он произносит эти слова по-арамейски.

Ноги тонут в тёплом песке. *Quemadmodum desiderat cervus*, или «Им же образом желает елень». Только тут, в 41-м псалме, имеется в виду раскалённый песок Палестины, а не тёплый — Рижского взморья. Но пить хочется всё равно, а из залива не напьёшься... Правда, в отличие от оленя, в пустыне страдающего от жажды, я знаю, что скоро приду в деревню, где меня ждёт отец Людвиг, старый католический священник, недавно вернувшийся из депортации. Из Сибири, где он прожил почти двадцать лет.

А вообще в христианстве соединяется несоединимое. Во первых, Галилея с её арамейским языком и кудрявыми головами загоревших до черноты детишек — это о них говорит Иисус: «пустите детей и не возбраняйте им прийти ко Мне». Потом — Греция с литургией Златоуста и тою церковной поэзией, которая так похожа на

трагедии Эсхила и Еврипида. А далее — моя любимая латынь и блаженный Иероним. Христианство — это славянский язык и французская готика. Это знаменный распев и гудение органа под сводами святого Якоба в старой Риге. И церковь Сретения в Новой Деревне. И мои арбатские старушки, которых я преступно бросил, сбежав в Прибалтику... И тишина на Немецком кладбище в Москве...

Сегодня мне удивительно хорошо, потому что солнце не жжёт, а греет. Хорошо, потому что *via*, та дорога, о которой говорится в псалме, сегодня ясно открывается моим глазам. Потому что меня ждёт отец Людвиг, который знает латынь намного лучше меня и помнит на память не только практически все без исключения псалмы, но чуть ли не всех римских поэтов, Горация, Тибулла и Овидия...

Отец Людвиг старше меня на шестьдесят с лишним лет. Он — старый и сторбланный, со скрюченными пальцами, казавшийся мне тогда похожим на Франца Листа, он — крестьянский сын из латышской деревни, получивший великолепное образование в Варшаве задолго до революции и уже полвека назад рукоположенный в священника, он — во всех отношениях человек совсем из другого мира. Но почему-то мы понимаем друг друга с полуслова. Мы будем сидеть на пороге его утопающего в цветах дома и читать, перебивая друг друга, то псалмы, то оды Горация Флакка, то какие-то куски из Публия Овидия Назона.

Дедал с Икаром летят высоко над землёю и смотрят вниз, а там, внизу рыбак своею дрожащею удочкой ловит рыбу. А снизу смотрят на летящих по небу людей пастух, который опирается на посох, и пахарь, склонившийся над плугом, смотрят, удивляясь и думая, что это боги. Это место из «Метаморфоз» Овидия я запомнил на фоне трёх белых пионов в садике у отца Людвига и потом вспоминал именно эти пионы всякий раз, когда доходил до него, читая Овидия со студентами.

Мне приходилось останавливаться и отходить к окну. В звуках этих, известных чуть ли не каждому, кто учит латынь в университете, гекзаметров я слышал и ворчание моря, и глухой голос отца Людвига, и те псалмы, которые мы с ним тогда читали, и запах его цветов, и бормотанье старухи латышки, что помогала ему по хозяйству.

Дойдя до слов *stivave innixus arator*

(«и над плугом склонившийся пахарь»), отец Людвиг остановился и процитировал на латыни стих из предначинательного псалма: «Изыдет человек на дело свое и на делание свое до вечера» — *Usque ad vesperum... vesperum... vesperum...* А вообще-то он был убеждён в том, что римские поэты знали многие места из Ветхого Завета по греческим стихотворным парафразам, сделанным в эллинистической Александрии, и сознательно их цитировали.

Через несколько дней в Пустыньке я расскажу об этой встрече архимандриту Тавриону, который скажет: «Люди быстро уходят, поэтому вам надо **успеть** подружиться с ними». На слове «успеть» он сделает какое-то особенное ударение. Потом помолчит и добавит: «Латынь... Учи латынь». А потом достанет маленькую книжечку на латыни с псалмами и выдержками из апостольских посланий и подарит мне на память, прибавив скороговоркой: «Всё равно здесь её никто читать не будет». Чтобы я не подумал, что это подарок или какой-то особый знак. Это мне тоже помнится до сих пор. Что же до самого Бревиария, полученного от отца Тавриона, то он, к счастью, цел и сегодня.

С последней электричкой я возвращаюсь в Ригу. Здесь меня ждёт, не ложась спать, хотя ему завтра вставать на работу, Мстислав Николаевич Лишев, у которого я живу. Он тоже знает по-латыни, потому что он ихтиолог, но только названия рыб. Их совсем не *centum quinquaginta tres*, или сто пятьдесят три, как считал учёнейший Иероним, думая, что в Евангелии от Иоанна указано это число, ибо в природе существует именно столько их видов, — а несравнимо больше. Поэтому встречает меня мой, тоже давно теперь умерший, хозяин длинным латинским монологом. Из него я почти ничего не понимаю. Только одно понимаю, что какие-то рыбы из тех, что упомянул Мстислав Николаевич, всё-таки были выловлены тем рыболовом *tremula cum harundine*, с дрожащею удочкой, о котором рассказано у Овидия, или Симоном Петром с другими учениками, «когда уже настало утро, а Иисус стоял на берегу, но ученики не узнали, что это Иисус». С этими мыслями я засыпаю. *Ego dormivi et soporatus sum* — «Аз уснух и спаш», как говорится в первом псалме шестопсалмия. Бесконечно счастливый, потому что мне девятнадцать лет.